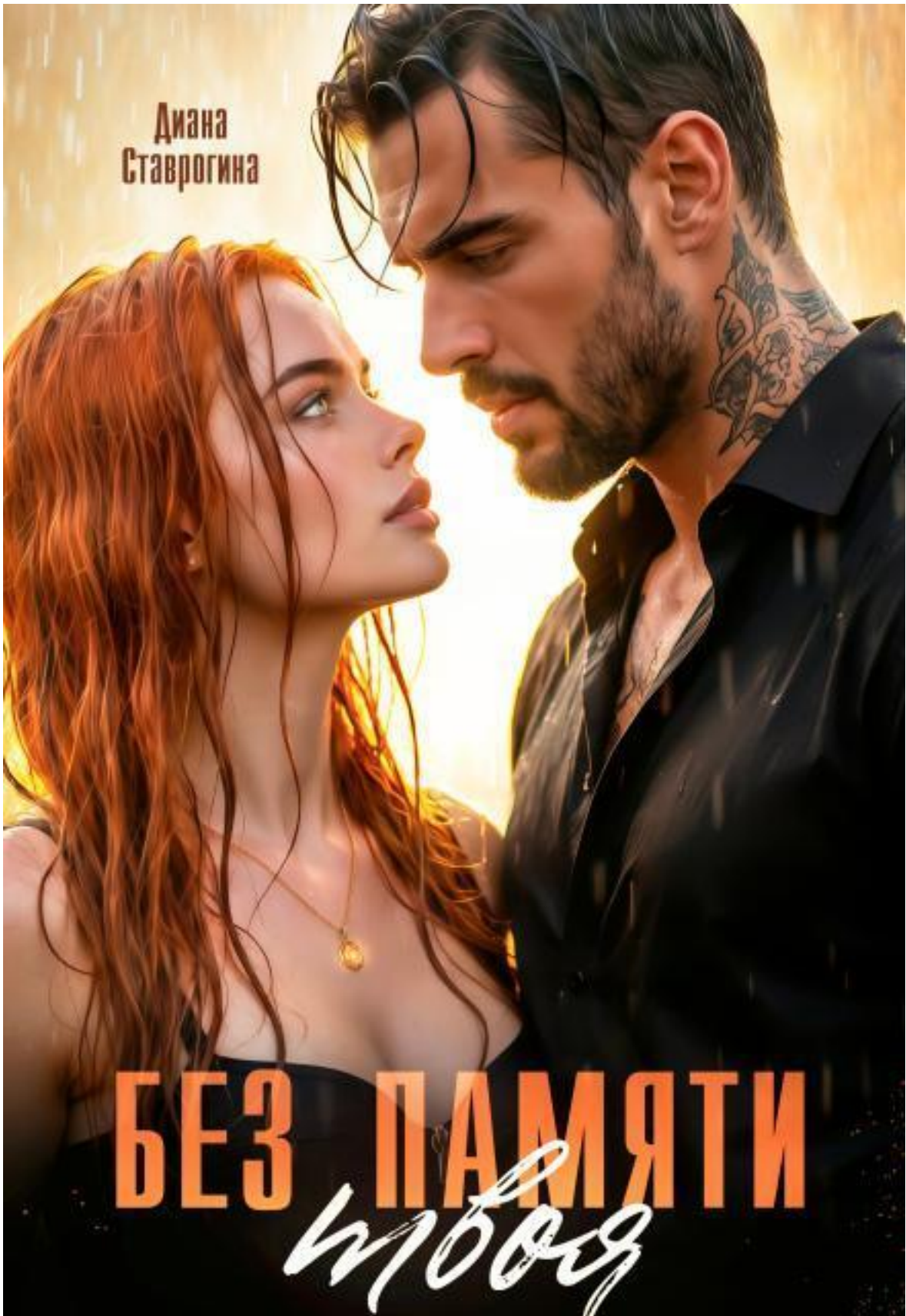

A romantic movie poster featuring a man and a woman in a close embrace during a rainstorm. The woman has long, wavy red hair and is looking up at the man. The man has dark hair, a beard, and a tattoo on his neck, and he is looking down at the woman. The background is a warm, golden light from the sun, creating a soft glow around the couple. The title 'БЕЗ ПАМЯТИ' is written in large, bold, orange letters, and 'твоя' is written in a white, cursive script below it. The name 'Диана Ставрогина' is in the top left corner.

Диана
Ставрогина

БЕЗ ПАМЯТИ
твоя

Диана Ставрогина

Без памяти твоя

«Литнет»

2024

Ставрогина Д.

Без памяти твоя / Д. Ставрогина — «Литнет», 2024

Он влюблен в нее с первого курса института. Десять лет спустя ничего не изменилось. Он все еще любит, а она — видит в нем избалованного мажора. Однажды он поможет ей. А потом она потеряет память. И он... Он решит не говорить ей всей правды. * * * — У тебя совсем совести нет? Как ты все это время смотрел мне в глаза и врал? Я ведь действительно поверила, что мы любим друг друга. Я кольцо тебе надела! — В памяти возникает картинка из вчерашней ночи: — Мы почти переспали! Ты что, уже решил, что амнезия со мной навсегда, а значит, можно мной заодно и попользоваться? — Через застилающую взгляд пелену слез я все-таки вижу, как Влад вздрагивает от моих последних слов, но мне плевать, насколько ему неприятно слышать правду о себе любимом. — Я ненавижу тебя! — Все было не так! — Теперь в его хриплом голосе нет вины — только яростное несогласие. — Слышишь? * * * Я не помню, как закончила институт, как нашла работу. Даже как познакомилась со своим мужем. И его я не помню тоже. А он... ведет себя странно. Все чаще мне думается, что с нашими отношениями до моей аварии что-то явно было не так. Иначе почему мой муж — самый близкий для меня человек — избегает меня? Чурается прикосновений и, кажется, даже не пытается вернуть мне память?

© Ставрогина Д., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	32
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Пролог

Аннотация:

Он влюблен в нее с первого курса института. Десять лет спустя ничего не изменилось. Он все еще любит, а она — видит в нем избалованного мажора. Однажды он поможет ей. А потом она потеряет память. И он... Он решит не говорить ей всей правды.

Пролог

— Кристина... — выдыхает Влад и делает в моем направлении один осторожный шаг.

— Не смей, — хриплю я, невольно отшатываясь. — Не смей ко мне приближаться.

— Хорошо. Хорошо, — повторяет он примирительным тоном и действительно не предпринимает повторной попытки приблизиться, тем не менее не сводя с меня не просто обеспокоенного, а дикого взгляда. — Пожалуйста, выслушай. Я прошу тебя, Крис. Я объясню.

С моих губ слетает нервно-истеричный смешок. Комната вращается перед глазами, а пол уходит из-под ног, но мне все-таки удается устоять на месте. Я задыхаюсь и хочу бежать. Мне необходимо бежать.

— Я даже смотреть на тебя сейчас не могу. — Мой голос полон отвращения и затаенной ярости.

На напряженном, застывшем маской лице напротив дергается мускул. Ужас в синих глазах превращается в отчаяние.

— Кристина... — Теперь Влад умоляет, однако во мне нет ни капли сочувствия.

Я не в состоянии проявить по отношению к нему хотя бы чуточку понимания. Я не представляю, что он может сказать такого, отчего мое нынешнее восприятие случившегося за последний месяц изменится.

Господи, как это все гадко. Даже просто стоять рядом с Владом — противно.

Словно во сне, я обвожу палату растерянным взглядом. Просто чтобы не видеть человека, устроившего из моей жизни какой-то больной эксперимент. Или особо жестокое издевательство.

Что я ему сделала? Что?!

Прямо за моей спиной обнаруживается дверь, и я не теряю ни секунды на сомнения и размышления.

Нажать на ручку. Открыть дверь. Выскочить в коридор. Бежать.

Бежать как можно быстрее и как можно дальше.

Позади раздается звук тяжелых, мужских шагов. Я начинаю бежать еще быстрее, но все равно не успеваю: на моем предплечье смыкаются чужие пальцы.

С силой Влад тянет меня обратно, проворачивая лицом к себе, вынуждая влететь ладонью свободной руки в твердую, лихорадочно вздымающуюся грудь. Я сопротивляюсь, пытаюсь вырваться, но он держит крепко и сдвинуться даже на сантиметр не удается. Обе его руки, сомкнувшись за моей спиной в неподдающийся открытию замок, обнимают меня в запирающем объятии.

— Крис... — шепчет он, и я дергаюсь снова. И вновь безуспешно. — Выслушай, пожалуйста. Просто выслушай.

— Убери. Руки, — выплевываю я, почти касаясь ткани его рубашки губами. Аромат мужского парфюма, еще вчера пьянящий и возбуждающий, сегодня вызывает у меня тошноту. Объятия, прежде внушающие чувство безопасности, теперь кажутся клеткой. — Слышишь меня? — Ладонями я упираюсь Владу в грудь и одновременно изо всех сил прижимаю подошвы к скользкому полу клиники, обеспечивая большую устойчивость для сопротивления. Не помогает.

— Это не то, что ты могла подумать, — говорит он торопливо, с доводящим меня до ярости упрямством не обращая внимания на мои непрекращающиеся попытки вырваться. — Это не издевательство и не шутка. Или что еще ты там могла предположить. Я просто... — Он спотыкается на половине фразы.

— Что «ты просто»? — уточняю я с ядом в голосе, когда пауза непозволительно затягивается. — Что?! Как ты посмел мне врать, когда я была в таком состоянии?! Ты... ты чудовище! — Мне наконец удается вырваться, и я делаю несколько спасительных шагов назад, но не ухожу. Сбежать, не сказав ни слова, теперь невозможно.

Стоя напротив и не двигаясь, Влад смотрит на меня до того безумными глазами, что становится не по себе. Вид у него, наверное, как и у меня, растрепанный и почти дикий: обычно уложенные волосы торчат в разные стороны, лицо покраснелось, рубашка наполовину расстегнута.

— Я не обманывал тебя, — заявляет он вдруг. Одно это утверждение — ложь и полный абсурд, но Влад продолжает: — Не так, как ты думаешь. Я... — Он резко зажимурируется и трясет головой, а затем заговаривает вновь, увереннее и спокойнее прежнего, словно взяв все эмоции под контроль. Сейчас я вижу перед собой Влада Покровского из своего прошлого: холодного и недостижимого, отстраненного от остальных людей. — Я не знал, что можно тебе говорить, а что нет, как объяснить тебе нашу ситуацию, как...

Каждое его слово — чушь и провальная попытка оправдаться. Во мне сильнее прежнего поднимается злость.

— «Как объяснить»? — спрашиваю я громко, не позволяя Владу продолжить этот словесный поток ерунды и неправды. — Легко! Всего-то и нужно было сказать: «Кристина, после аварии ты ничего не помнишь, но ты должна знать, что наш брак — фиктивен от и до. Мы ненастоящие муж и жена. Мы настолько ненастоящие муж и жена, что ты вообще меня терпеть не можешь и вышла за меня вынуждено». Видишь?! — почти кричу я и театрально взмахиваю руками, разводя их в противоположные стороны. — Вот так просто!

— Я... — Он снова сбивается, едва принявшись мне отвечать.

— Что, нечего возразить? — Я горько смеюсь. Глаза начинают жечь слезы. — Господи... У тебя совсем совести нет? Как ты все это время смотрел мне в глаза и врал? Я ведь действительно поверила, что мы любим друг друга. Я кольцо тебе надела! — Меня мелко трясет, а из горла вырывается задушенный всхлип, когда неожиданно в памяти возникает картинка из вчерашней ночи: — Мы почти переспали! Ты что, уже решил, что амнезия со мной навсегда, а значит, можно меня под шумок еще и трахнуть? — Через застилающую взгляд пелену слез я все-таки вижу, как Влад вздрагивает от моих последних слов, но мне плевать, насколько ему неприятно слышать правду о себе любимом. — Я ненавижу тебя!

— Все было не так! — Теперь в его хриплом голосе нет вины — только яростное несогласие. — Слышишь?

— Какой бред, — шепчу я и разворачиваюсь, чтобы уйти.

— Блять!.. — Приглушенное, истекающее отчаянием ругательство летит мне уже в спину, а через мгновение Влад второй раз за этот час хватает меня за руку, удерживая на месте. Удивительно, но он отпускает меня почти сразу же. — Я не мог тебе рассказать. Как ты себе это представляешь? Просто задумайся на одну минуту. Какой была бы твоя реакция на все эти сведения? Тебя — той, без единого воспоминания о последних двенадцати годах. Вокруг ни одного человека, которого бы ты помнила и которому бы ты доверяла. Чужая страна. И тут я — по документам муж, а на словах, блять, никто. Ты отказалась бы от моей помощи и осталась бы сама по себе в чужой стране, без воспоминаний и денег. Может быть, конечно, ты бы и согласилась на мою помощь от безысходности, но как бы это выглядело? Ты бы ни в чем мне не доверяла и боялась, жила бы в постоянном стрессе, который

после травмы тебе противопоказан. Я не мог вывалить всю эту информацию на тебя тогда. Я. Не. Мог.

В ответ мне остается только качать головой в полном недоумении и усмехаться. Какая чушь. Господи...

— Ни что из этого тебя не оправдывает, — выдавливаю я в конце концов, не имея больше ни сил, ни желания продолжать этот бессмысленный разговор. — И видеть тебя я не желаю. Вообще никогда. Ты прав, мне некуда идти прямо сейчас, кроме как к тебе домой. И именно туда я сейчас поеду. Но ради всего святого: не попадайся мне на глаза. Меня от одного твоего вида тошнит.

Глава 1

Чуть больше месяца назад...

Я все еще слабо понимаю, что происходит вокруг, когда доктор, покончив с записями, уверенно кивает самому себе и произносит:

— Сейчас мы пригласим вашего мужа, готовы?

Из меня, оцарапав пересохшее горло, вырывается то ли слабый смешок, то ли откровенный всхлип. Однако затягивать с неизбежным смысла нет.

— Ну, вряд ли к моей ситуации можно подготовиться, — замечаю я иронично. — Так что... давайте.

Доктор отвечает мне сочувствующей улыбкой и заверяет:

— Все будет хорошо, Кристина. Ваш муж очень за вас переживал.

Я судорожно киваю, давая понять, что приняла его слова к сведению, и делаю глубокий вдох. Готовлюсь.

Доктор нажимает на дверную ручку и выглядывает в коридор.

— Мистер Покровский, — доносится до меня, — вы можете зайти.

Последний раз встретившись со мной глазами и попрощавшись, доктор исчезает в коридоре, а спустя пару секунд на его месте появляется мужчина. А я вдруг почти давлюсь воздухом.

Вау...

Я готова присвистнуть (впрочем, мозг мгновенно мне подсказывает, что свистеть я точно не умею), выражая уважение той версии себя, что не помню, — потому что застывший на пороге мужчина явно не из моей лиги. В том смысле, что я-студентка никогда бы не ждала, что подобный красавец хотя бы дважды посмотрит в ее сторону.

У него очень привлекательная внешность. Яркие, выгодно сочетающиеся черты лица: высокий лоб, выразительные глаза, прямой длинный нос и тонкие, по-мужски красивые губы. Короткие, взъерошенные волосы темно-русого цвета и густая щетина на щеках и подбородке. Даже синева под глазами и, судя по всему, не намеренная небритость ни капли его не портят.

Он определенно мог привлечь мое внимание, пусть я бы не осмелилась на больше, чем несколько быстрых взглядов в его сторону. Но не заметить его высокую, явно не обделенную природой и спортом фигуру, я наверняка бы не смогла.

А еще он... взрослый.

Идея, что мы скорее всего ровесники посещает меня не сразу, и первые несколько секунд я изрядно поражена и смущена, и вообще чувствую себя ужасно неловко. Даже сообразив, что мне, как и этому мужчине, уже больше тридцати, я все равно не могу воспринимать нас как равных по положению в социальной иерархии. Сложно.

— Привет, — произносит он первым, и я наконец отмираю:

— Привет.

Не разрывая зрительного контакта, мой... муж медленно, вероятно из-за уважения к моему состоянию, проходит вперед и занимает поместившийся рядом с изножьем кровати стул.

— Я Влад, — представляется он с неприкрытой неуверенностью в голосе.

Я скованно улыбаюсь и киваю, прежде чем трусливо уставиться на собственные плотно сцепленные руки. Ни-че-го.

Чуда не случилось: ни вспышки воспоминаний, ни давления внезапных чувств на грудную клетку. Имя Влад никак во мне не отзывается.

— Мы учились вместе, — сообщает он.

— Учились... — Среди своих значительно поредевших и хаотичных воспоминаний я пытаюсь отыскать что-нибудь о мужчине напротив, ведь какая-то часть первого года студенческой жизни меня вроде бы не покинула, но вот так, с ходу, стоящий в голове туман не рассеивается. — Я тебя не помню. — Приходится его разочаровать.

Мое преисполненное сожаления признание не вызывает у... мысленно я словно запинаюсь и на секунду зависаю. Как ни крути, а в настоящий момент времени кроме как незнакомцем считать его не получается.

Однако я со странной для потерявшей память дамы уверенностью могу сказать, что не вижу на лице своего мужа оттенков скорби. Не знаю, на что я рассчитывала. Наверное, на большую эмоциональность.

Разве ему не положено сейчас переживать за будущее нашего брака и вообще отношений, раз уж для меня он пока что чужой человек? И хотя его пристальный, давящий взгляд сосредоточен на мне, он, похоже, в основном обеспокоен физическими травмами, а не моей амнезией.

— Я и не ждал, что будет иначе. — Влад невесело усмехается. — Доктор сказал, ты помнишь себя студенткой?

Я киваю. Наконец-то мне есть, что сказать по существу.

— Да. Когда меня сегодня спросили про дату, я была уверена, что скоро моя первая зимняя сессия. Собственно, ни саму сессию, ни что-либо после нее я пока не вспомнила.

Он издает многозначительное «хм». Под моим вопросительным взглядом он поясняет:

— Просто вижу некоторую логику в том, что ты помнишь только первый семестр.

Я хмурюсь.

— Не понимаю.

— Мы познакомились только весной. Начались факультативы, мы были в разных группах, а там — в одной. Ты, я и... — Он вдруг умолкает.

А меня посещает озарение.

— Мне сказали, что за рулем была не я и что водитель в коме. Ты поэтому замолчал?

Влад резко вскидывает голову, и я снова встречаюсь с настороженностью в его глазах.

— Ты знаешь про Глеба?

— Только то, что мне сказали. — Я пожимаю плечами и ежусь. — Что он был со мной в машине и еще не пришел в себя.

— Понятно.

— Он твой друг? — предполагаю я.

Влад не отвечает сразу. С половину минуты он молча смотрит на меня, будто чего-то ждет или что-то обдумывает; не знаю.

— Да, — говорит он. — Лучший. Как и твой, кстати.

— А ты? — удивляюсь я.

— Я твой муж. — Он скупно улыбается, но в темных, уставших глазах сохраняется пустота. — Это другое.

Я неловко молчу. Мне нечего ответить на эти несколько странные слова. Даже теперь, когда нюансы наших с Владом отношений моему разуму недоступны, можно догадаться, что подтекст его последней фразы скрывает почти явную горечь. Зависть, быть может.

Трудно сказать, чего я ожидала, от доктора узнав о существовании у меня целого мужа, но невольно я чувствую сильное разочарование. Мрачный и сдержанный мужчина напротив никак не производит впечатление любящего и заботливого супруга, довериться которому — плевое дело.

— Мы давно женаты? — спрашиваю я и, припомнив сюжеты любимых сериалов моей покойной бабушки (вот уж какой информации никакая амнезия не страшна), добавляю: — И я хотела бы увидеть документы: о браке, свои собственные, твои...

Влад усмехается.

— Не доверяешь?

— Не то чтобы, — пожимаю я плечами, ничуть не лукавя. — Но и наивной овечкой быть глупо.

— Разумно. Я захвачу документы в следующий раз, — обещает он. — Надеюсь, тебя успокоит, что в больнице наши данные уже проверили. Твой айди был при тебе в момент аварии, так что с поиском твоих родственников у них проблем не возникло.

— Айди?.. — Меня будто ударяет разряд тока изнутри. — Мы не в...

— Нет, мы не в России. — Влад качает головой. Его внимательные глаза следят за мной с возросшим беспокойством. — Ты не поняла раньше? Доктор говорил с тобой на английском.

Я снова возвращаюсь к первым минутам своего пробуждения, с трудом воскрешаю в памяти лицо медсестры, неразборчивые звуки ее речи, едва достигавшие моего слуха сквозь заполнивший черепную коробку гул. Осознание приходит не просто постепенно, а, по правде говоря, с ощутимым скрипом.

Мне вспоминается, что даже с появлением в палате врача я не сразу поняла, что произошло и почему все вокруг меня такое... другое. Тогда что-то царапалось на подкорке, но эмоции — от беспробудного смятения до леденящего ужаса — правили балом, пока мой мозг отчаянно пытался заработать в полную силу.

Доброжелательный и спокойный голос врача достиг моего сознания уже после. Когда меня осмотрели и дали какие-то лекарства, а затем помогли сесть в кровати и позволили еще несколько минут хватать ртом воздух, чтобы успокоиться (теперь-то я понимаю, что вряд ли мне удалось избежать истерики без помощи какого-нибудь препарата).

Конечно, едва слова медперсонала перестали звучать бессвязной сумятицей и обрели смысл, я с радостью начала понимать просьбы и отвечать на вопросы. Я ни секунды не задумывалась, на каком языке говорю. Английский и вовсе был для меня как родной, после учебы в лучшей языковой гимназии. Неудивительно, что я ничего не заметила.

Вот только переезд за границу в моих планах не стоял.

Поправочка: в моих планах двенадцатилетней давности.

— А где мы конкретно? — интересуюсь я растерянно.

— Калифорния, США, — сообщает Влад мгновенно.

— США? — Вот сейчас я по-настоящему в недоумении: мне никогда не хотелось здесь жить, только побывать в качестве туриста. В глубине души я рассчитывала, что услышу о Великобритании, но увы. — И давно я... мы тут живем?

К моему удивлению, Владу на пару мгновений задумчиво прищуривается, словно мой вопрос требует каких-либо серьезных расчетов.

— Мы не переезжали сюда вместе.

Я напрягаюсь.

— Нет?

— Нет. — Он смотрит в сторону. — У меня есть местное гражданство. По сути я живу сразу на две страны — специфика моего бизнеса. А ты... переехала всего лишь пару месяцев назад.

— Почему только сейчас? — поражаюсь я. — Если мы женаты, то я...

Влад останавливает меня:

— Женаты мы столько же.

— Оу. Почему-то я подумала, что мы поженились раньше. После учебы.

Он хмыкает, и впервые за нашу встречу в его глазах отражается что-то близкое к веселью.

— Что тебя веселит? — любопытую я, не удержавшись.

— Ты терпеть меня не могла, когда мы были студентами, — сообщает он с ироничной полуулыбкой и затем, уже куда серьезнее уверяет: — Ты бы никогда за меня не вышла.

Глава 2

Раздается негромкий стук, и уже знакомая мне медсестра появляется в дверном проеме. Короткий визит Влада подходит к концу. Поднявшись со стула, он лишь на долю секунды растерянно замирает, а затем скупно прощается. Дверь за ним закрывается с тихим хлопком.

Я провожаю его взглядом и бесшумно вздыхаю. Если поначалу у меня имелись надежды на то, что встреча с мужем даст толчок моей памяти или хотя бы поможет обрести минимальную уверенность и спокойствие, то теперь трудно не впасть в унылое отчаяние. Даже в моем не самом ясном состоянии ума легко догадаться, что ничего толкового из нашей первой беседы не получилось.

Наверное, в следующий раз будет не лишним подготовиться и составить список особенно важных вопросов о моем и нашем общем прошлом, настоящем и будущем: Влад не сказал, а я не спросила, чего мне ждать после выписки из больницы.

— Как вы себя чувствуете, Кристина? — Звучит в палате приятный и уверенный голос медсестры.

Вежливо улыбнувшись, я осторожно прислушиваюсь к собственному состоянию.

— Кажется, нормально. — Объективно оценить степень боли, перманентно путешествующей по всему моему телу с тех пор, как я пришла в себя, мне сложно: ощущения перебивают друг друга и в то же время как будто усиленно «глушатся» чем-то извне. — Все болит, но терпимо.

Медсестра довольно кивает, прежде чем продолжить осмотр.

Несколько минут спустя, после еще нескольких вопросов и парочки инструкций, меня оставляют наедине с собственными мыслями, напоследок посоветовав по возможности прибегнуть к лучшему лекарству на планете — лечебному сну. Поелозив на кровати и приняв позу поудобнее — не таким уж замечательным было мое физическое состояние, как хотелось бы, — я, конечно, же погружаюсь... в раздумья.

О сне не идет и речи. Уставившись в белый потолок воспаленными глазами, я снова и снова прокручиваю в голове события сегодняшнего дня и, если честно, не понимаю, насколько и правда осознаю случившееся.

Может быть, шок никуда не делся, и осознание придет ко мне намного позже. Пока же я попросту не в состоянии сосредоточиться на полученной информации и нетерпеливо пере скакиваю с одной мысли на другую, не принимая никаких решений.

Утром (по крайней мере в палате очень светло и солнечно) я просыпаюсь от совершенно нестерпимой боли в голове. Имей я сомнения в серьезности своей травмы, то сейчас вмиг бы прекратила сомневаться: от давления в разрывающейся на части черепной коробке хочется плакать и даже биться лбом о стену — только бы переключиться на не столь мучительные ощущения.

К счастью, вызов медперсонала работает без сбоев, и уже через минуту или две внушительного вида молодой парень ставит мне — отчаянно надеюсь, что обезболивающий, — укол и, удостоверившись в моей адекватности, уходит за доктором.

Я выдыхаю сквозь плотно сжатые зубы и прикрываю глаза.

Не знаю, как скоро в мою палату заходит наблюдающий меня доктор Питерсон, но взрывы в голове к этому времени уже слабеют. Подробные расспросы утомительны, но делать нечего: я старательно отвечаю на вопросы, стараясь не заикливаться на возможном истолковании моих ответов.

— Сегодня мы проведем несколько тестов, — сообщает доктор, продолжая что-то фиксировать в планшете. — Нам нужно оценить, насколько пострадали поврежденные участки вашего мозга.

Я согласно киваю, хотя не имею ни малейшего представления о том, как проходят подобные тесты. По правде говоря, до сегодняшнего дня меня мало интересовали любого рода медицинские исследования, как и вопросы здоровья, — или так помню девятнадцатилетняя я. Впрочем, кто знает, возможно моя взрослая тридцатидвухлетняя версия успела нахвататься полезных знаний.

— Я могу вставать? — интересуюсь я. — Ходить по палате и по коридору?

Как выясняется, мне очень повезло: никаких по-настоящему серьезных травм на теле я не получила. Ни трещин, не переломов — только сильные ушибы, но вставать с кровати и по чуть-чуть ходить не возбраняется. Под присмотром, разумеется.

— Можно ли мне навестить водителя машины? — задаю я наконец самый важный вопрос. — Конечно, я не помню его и, наверное, в этом нет смысла, но мой муж сказал, что Глеб — мой лучший друг. И я знаю, что обязательно бы его навестила. Пожалуйста.

Доктор Питерсон медлит.

— Хорошо, — соглашается он наконец, и я с облегчением выдыхаю. — После диагностики Майк поможет вам добраться до реанимационной палаты.

После завтрака возвращается все тот же мощный парень-медбрат Майк. Вместе с ним в палате появляется и кресло-каталка. К моему большому разочарованию и даже смущению, передвигаться самостоятельно на большие расстояния в нынешнем состоянии я пока не могу.

В пролегающем через длинные, ярко освещенные больничные коридоры пути мне многое бросается в глаза: от людей до технологий. Всегда непостоянная мода, разумеется, отличается от той, что помню я. Проходящие мимо посетители, пациенты и даже врачи одеты иначе. Однако сказать, что современные тренды выглядят необычно и уж тем более шокирующе, я не могу — где-то и когда-то все это уже было.

Зато беспрестанно мелькающие в руках окружающих мобильники изменились куда сильнее. Я с трудом держу возрастающее любопытство в узде: будь моя воля, я соскочила бы с кресла и взяла в оборот первого встречного еще пять минут назад, только бы заполнить этот технологический пробел и на пару минут заглянуть в Интернет.

А еще мне нужен мой телефон. И как можно скорее. Потому что, как говорила Ирен Адлер в «Шерлоке», «этот телефон — моя жизнь».

Да-да, я умудрилась забыть последние двенадцать лет жизни, но не содержание любимого сериала. А хотелось бы наоборот.

Идея с исследованием телефона ради воспоминаний и сведений — как из моей личной, так и мировой жизни, — будоражит во мне каждую клеточку и нерв, и думать о чем-то еще нет никаких сил. Длющиеся следующие пару часов исследования, тесты и разговоры-допросы с докторами воспринимаются как изощренная форма пытки.

Мне не терпится заполучить в свои зудящие руки телефон. Ноутбук, наверное, тоже не помешает: в те времена, что я помню, смартфоны уже умели многое, но по удобству и функционалу точно не дотягивали до полноценного ПК. Вряд ли для моих многочисленных целей — я ведь не только собираюсь прошерстить свои переписки за минувшие двенадцать лет, но и тщательно познакомиться с поджидающим меня миром безостановочного прогресса, — будет достаточно тоненького прямоугольника с диагональю сантиметров в пятнадцать.

Нервно постукивая ногой по полу, я жду, когда доктор сделает последние записи в компьютере. Возвышающийся на столе поразительно тонкий монитор доказывает, что часть создателей научно-фантастических фильмов начала двухтысячных явно мыслила в верном направлении. Случайное наблюдение меня забавляет, и все же ненадолго.

Наконец, доктор откидывается на спинку стула и смотрит на меня, прежде чем сообщить, что о результатах сегодняшних исследований я узнаю непосредственно от доктора Питерсона. Через минуту Майк выкатывает меня из просторного кабинета в коридор.

— Доктор Питерсон сказал, что мы можем ненадолго заехать в палату к вашему другу, — сообщает он. — Едем?

Я быстро-быстро киваю, не встречаясь с Майком взглядами. Щеки горят стыдом: с той минуты, что меня посетила идея с мобильником, я ни разу не вспомнила о своем намерении навестить Глеба.

Вскоре мы попадаем в отделение интенсивной терапии. Волнение нарастает, у меня начинает частить пульс, а перед дверью палаты я и вовсе перестаю нормально дышать. Всего десять секунд спустя Майк останавливает кресло рядом с расположенной в центре комнаты кроватью и выходит в коридор.

Не нужно быть врачом, чтобы с одного взгляда на Глеба понять, кому из нас двоих повезло меньше. За кровоподтеками, повязками, гипсом, трубочками и проводами медицинских приборов я едва могу рассмотреть уложенного на больничную кровать мужчину. Вид у моего друга, чье лицо сейчас совершенно мне незнакомо (и дело не в проступающих на его коже гематомах), пугающий и безжизненный.

У меня щемит сердце и ест солью глаза. Не знаю почему, но его бессознательное состояние рвет мне душу. Я чувствую себя ужасно виноватой.

Позади меня раздается приглушенный стук закрывшейся двери. Я оборачиваюсь, собираясь обратиться к Майклу с просьбой о паре дополнительных минут, однако натываюсь на темный взгляд своего мужа и едва не отшатываюсь.

— Кристина, — произносит он сухо.

Я все-таки дергаюсь и признаюсь:

— Привет. Не ожидала, что ты тоже тут будешь.

По неизвестной мне причине Влад усмехается и отвечает сущую бессмыслицу:

— Зато ты очень предсказуема.

— Предсказуема? — повторяю я с любопытством в голосе. — Почему же?

— Всегда печешься о других больше, чем о себе, — поясняет Влад и в несколько длинных шагов пересекает палату. Его взгляд перемещается на беспробудного Глеба, и мой скользит следом. — Вот и сейчас, едва на ногах стоишь, а уже здесь.

— Мне явно лучше, чем ему, — замечаю я сухо. Недовольство Влада моим естественным порывом навестить нашего общего друга кажется странным, если не сказать подозрительным. Во избежание конфликта я решаю сменить тему: — Каковы прогнозы врачей? Он очнется?

Мой муж, к которому я еще ни разу не испытала и малейшего прилива теплых чувств, не спешит с ответом, отчего мое раздражение лишь усиливается. Что за человек! Раздумывает над каждым вопросом, словно сообщить мне информацию без внутренней цензуры — немислимый проступок.

Оторвавшись от наблюдения за бледным и неподвижным лицом Глеба, я кошусь на Влада в ожидании. Он же сосредоточено смотрит на моего — нашего? — лучшего друга, и понять, каково сейчас содержание его мыслей, невозможно.

— Со слов его родных, — заговаривает он наконец, — доктора не уверены, как скоро Глеб выйдет из комы. И выйдет ли вообще.

Я хмурюсь и непроизвольно прикладываю к тревожно занывшей груди ладонь. Дышать становится тяжелее.

Если врачи и правда ничего не обещают, значит, состояние Глеба не внушает им спокойствия. Я надеялась на иное положение дел.

Трудно объяснить, откуда во мне столь острое волнение за человека, о котором я ничего не помню, но оно есть. Как и постепенно проклевывающаяся убежденность: довериться Глебу не было бы проблемой.

Уже сейчас мне до слез хочется с ним поговорить. Мне кажется, он смог бы понять, насколько незавидна моя нынешняя участь, — Влад же будто и не пытается меня поддержать, невзирая на наш семейный статус.

— Тебе как будто все равно, — замечаю я осторожно, облачая все свои впечатления о супруге в обтекаемую формулировку, и спешу извиниться за бестактность, пусть и без особой искренности: — Прости.

Влад поднимает на меня тяжелый взгляд.

— Ты часто говорила, что я бесчувственный мудак.

Распахнув от удивления рот, я даже не сразу нахожу, что сказать.

— Я так говорила и вышла за тебя замуж?

— Да, — подтверждает он совершенно спокойно. — Вышла.

Наше не то чтобы приятно общение прерывается: в палату входит Майкл. Время моего визита к Глебу истекло.

Вернувшись к себе и расположившись на кровати, я устало вздыхаю. Мы снова наедине с Владом, и вибрирующая между нами напряженность ничуть не располагает к разговорам по душам.

— Я хотела спросить... — решаюсь я, когда становится понятно, что Влада вполне устраивают тишина и пейзаж за окном.

— Да? — Он резко оборачивается.

— Мой телефон... Где он?

— Разбит всмятку, — отвечает Влад.

— И починить никак? — вклиниваюсь я, не позволив ему продолжить. — Восстановить карту памяти или как сейчас все работает?

Он отрицательно качает головой.

— Там без шансов, Кристина. Извини, не подумал, что тебе так скоро потребуется телефон. В любом случае, — продолжает он, пока я потерянно молчу, — данные наверняка сохранились в «облаке», но вряд ли ты помнишь пароль?

— Не думаю. Я даже не совсем уверена, что знаю, о чем ты.

Влад понимающе кивает.

— Завтра принесу тебе новый телефон.

Глава 3

Следующим днем моим главным занятием снова оказывается ожидание. Я жду визита врача, жду окончания лечебных процедур и очередных исследований, жду наступления завтрака и обеда, но не потому что голодна: эти временные вехи помогают не чокнуться от однообразия, — и, конечно, я жду визита своего мужа.

Мужа... С ума сойти!

Наверное, осознание подбирается ко мне медленнее, чем я считала: даже после нескольких встреч с Владом представить его в роли супруга не получается. Женой себя я тоже вообразить не могу.

Хуже всего: поговорить по душам совершенно не с кем. Если верить Владу, то мой лучший друг сейчас в коме и борется за жизнь. А я, хотя и тревожусь за благополучие Глеба, никакой глубокой привязанности к нему не чувствую. Впрочем, по отношению к мужу — тоже. И это... странным образом печалит.

Я словно отрезанный ломоть: ни воспоминаний, ни связей с людьми, — меня ничего не держит и не определяет. Что, к слову, мне как раз-таки очень знакомо. Вот только та моя версия, чьей памятью я обладаю, больше всего мечтала стать взрослой и забыть об этом чувстве неприкаянности навсегда.

Мне страшно думать, что надежды были напрасными и у нее ничего не получилось.

Поэтому сегодня я полна решимости выяснить у Влада подробности: о себе и о нас. Хочется верить, что его вполне заметное нежелание вести со мной долгие беседы вызвано стремлением не навредить процессу восстановления. Если же причина в другом... Не знаю.

Так или иначе, чем светлее становится в моей голове, тем больше вопросов без ответов в ней возникает. Каждый из них я намерена сегодня озвучить Владу. Если он снова попытается оставить меня в неведении о прошлом и настоящем, разговаривать нам придется на куда менее приятные темы. Например, о том, что я ни на грамм ему не доверяю.

Когда вызванная затянувшимся ожиданием нервозность становится особенно гнетущей, раздается короткий и уверенный стук в дверь. Я вздрагиваю и секунду спустя встречаюсь взглядом с появившимся в проходе мужем.

— Привет, — произносит он.

Его сухой, лишенный любых эмоций тон не в первый раз сбивает меня с толку. Пряча неловкость за неуклюжим покашливанием, я отвечаю:

— Привет. Очень ждала, когда ты придешь.

Темные брови, только что чуть нахмуренные, удивленно приподнимаются.

— Правда? — Влад смотрит на меня так пристально, что я тушуюсь и для вида непридуманно пожимаю плечами:

— Ну да. Я хочу нормально поговорить, узнать о себе больше. Залезть в интернет. — Мой кивок в сторону белоснежного пакета с известным всему миру логотипом будто заставляет Влада вспомнить о своей ноше.

— Точно. — Наконец двинувшись с места у порога, он за несколько длинных шагов оказывается рядом со мной: — Возьми.

— Спасибо тебе.

Влад дергает головой, словно отмахивается от моей благодарности.

— Модель новая, но интуитивно должна быть тебе понятна, — объясняет он, и я, решив, что можно не скрывать из вежливости своего нетерпения и любопытства, берусь распаковывать телефон. — Они, конечно, много чего добавили, если сравнивать с тем, что ты, наверное, помнишь, но интерфейс по сути тот же.

— Супер. — Подняв на Влада взгляд, я коротко улыбаюсь и лишь отчасти шучу: — «Гугл» же куда не делся, да?

Он усмехается.

— К счастью, нет.

— Значит, проблем не будет. Если что-то не пойму, «гугл» мне поможет. Или ты, — добавляю я неожиданно и осекаюсь.

— Или я. — Влад притворяется, что не заметил промелькнувшего у меня лице вопросительного выражения. — Мой номер уже в контактах, пиши или звони в любое время.

— Хорошо, — отвечаю я, нажимая на экран непривычного на вид телефона. Впрочем, в руке он лежит вполне удобно, как будто пальцы сами знают, какое положение лучше всего принять: спасибо матушке-природе за мышечную память. Мне стоит немалых усилий удержаться от дальнейшего исследования технологий, но существуют вопросы, о которых «гуглу», увы, ничего неизвестно. Поэтому, набравшись смелости, я произношу: — Мне кажется, нам пора познакомиться по-настоящему.

— Не хочешь сначала проверить, все ли понятно? — Влад, очевидно, пытается вернуться к теме с телефоном. Мои догадки о том, что беседы по душам для него нежеланны, сейчас активно получают дополнительные очки.

Усмехнувшись про себя, наяву я качаю головой.

— Нет, я хочу с тобой поговорить. А ты... — Моя секундная пауза получается достаточно нервирующей. — Ты, кажется, не хочешь?

— Почему же? — Влад с непринужденным видом пожимает плечами. — Давай поговорим.

Его согласие, однако, не производит на меня желаемого впечатления: язык прилипает к небу, отказываясь от выполнения своих функций, и прежде сумбурные мысли разбегаются по всем уголкам моего сознания. Растерявшись, я не могу решить, что сказать для начала, о чем спросить и как.

— Кхм. — Горло царапает сухой больничный воздух; я прокашливаюсь под пристальным, ожидающим взглядом мужа. — Наверное, начнем с чего попроще, да? — Посылаю Владу неловкую улыбку. — Расскажи, как у меня с карьерой? Надеюсь, я не зря училась на журналистике? Я ведь закончила, да?

Последний, прозвучавший взволнованнее других вопрос вызывает у моего мужа добрую усмешку.

Я смущенно тушуюсь. Не трудно догадаться, что мое искреннее беспокойство об учебе для взрослого мужчины кажется наивным и детским. Мне и хотелось бы чувствовать себя на свой биологический возраст и демонстрировать поведение умудренной годами женщины, но, увы, — понятия не имею, что для этого нужно делать.

— Да, — отвечает он, не скрывая по-доброму легкой насмешки. — Ты получила диплом. С отличием. Естественно. — Во мне теплом вспыхивают радость и гордость, к щекам приливает кровь, но я упорно надеюсь, что на лице нет румянца. Влад продолжает: — И да, ты стала журналисткой.

— Правда? — вырываются из меня нетерпеливые уточнения. — Насколько успешной? В какой сфере?

— Ты очень хороша. — Он странно вздыхает. — Может, даже слишком.

— Это плохо? — Я хмурюсь.

Не хватало только выйти замуж за шовиниста! Вдруг стоящий перед мной мужчина уверен, что женщине не нужна работа и единственно подходящая ей среда обитания — кухонный пятачок рядом с плитой? Секундной паузы в разговоре мне хватает, чтобы едва наметившаяся по отношению к Владу оттепель покрылась тонким слоем льда.

— Как ты сразу насупилась! — произносит он наконец, и за непринужденным весельем его слов мне чудится что-то иное, но неясное. — Уже подумала, что я проклятый консерватор и только сплю и вижу тебя босой, беременной и на кухне?

Вот теперь я совершенно точно краснею. Не зная, куда деть наполненные стыдом глаза, я смотрю на собственные руки и не очень изобретательно пытаюсь оправдаться:

— М-м, нет. Просто не понимаю, что ты имеешь в виду под «даже слишком».

Влад недоверчиво фыркает.

— Всего лишь то, что преданность профессии обходится тебе слишком дорого.

— Я все еще не понимаю.

— Ты занимаешься расследованиями, — принимается Влад за объяснения. — Коррупционные схемы, грязные разборки в бизнесе и политике, нечистые на руку менты — твои любимые темы. Ты и немногие твои непродавшиеся коллеги до сих пор лезете туда, куда вам очень, очень настойчиво намекают не лезть. Поверь мне, твои воспоминания даже близко не отражают нынешнего положения дел и уровня опасности. Впрочем... — Я слышу тяжелый вздох. — Уж если риски не пугали тебя при полном знании ситуации, вряд ли они испугают тебя сейчас.

— Хочешь сказать, авария не просто случайность? — В голове стучит.

Я встречаюсь с Владом взглядом и замираю в ожидании его ответа.

Вопреки моим предположениям он отрицательно качает головой.

— Вряд ли. Здесь они не должны были тебя достать. Да и не стали бы, — замечает он словно про себя.

— Кто — «они»?

— Сейчас это неважно, — отмахивается Влад. — Ты все равно ничего не помнишь.

— А ты, — подхватываю я следом, прибавив тону язвительности, — конечно, мне ничего не скажешь?

— Не скажу. По крайней мере сейчас.

— Ха. — У меня нет слов. — И как я должна быть уверена, что мне ничего не угрожает?

— Я гарантирую, что здесь тебе ничего не угрожает, — чеканит Влад.

Меня жесткость его интонаций ничуть не успокаивает.

— То есть ты предлагаешь просто поверить тебе на слово?

— У тебя с этим какие-то проблемы?

— Конечно! — Я осекаюсь. Наверное, не стоило бросать свое недоверие Владу прямо в лицо. — Извини. Но я тебя не помню и не знаю.

— Как обычно подозреваешь меня во всех смертных грехах? — Прежде чем мне удастся спросить, когда такое было, он возвращается к сути нашего спора: — Я даю тебе слово, что здесь ты в безопасности.

Глава 4

Озвученный Владом ответ все еще меня не устраивает: безопасность безопасностью, но я хочу знать детали своей недавней жизни. Утаивание информации, на мой взгляд, явно выходит за границы адекватной заботы.

— Хорошо, — произношу я ровно вопреки рвущемуся наружу несогласию. — Мы поговорим об этом позже. Я не могу находиться в неведении. И не хочу.

В выражении лица Влада почти ничего не меняется, но скрыть недовольство полностью ему тем не менее не удастся: мне очевидны и напряженность мимики, и тяжесть потемневшего взгляда.

— Не вижу смысла обсуждать то, о чем ты ничего не помнишь, — возражает он. — К тому же, я вряд ли смогу просветить тебя на сто процентов: ты мало говорила о работе.

— Да? — прищуриваюсь я с сомнением. — Почему же ты тогда так уверен, что мне ничего не угрожает, если не в курсе ситуации?

— Я твой муж. Этого мало? — не выдерживает он.

— Не знаю! — Мой голос становится выше. — Я. Не. Знаю. Неужели так трудно понять? Ты мой муж, это я знаю. Но не помню! Я ничего не помню! — выдыхаю я сбивчиво; тревожное буханье поднявшегося к горлу сердца вызывает спазм.

— Прости. — Влад приходит в себя первым и кажется искренне сожалеющим. — Я пытаюсь сделать как лучше, но получается хреново. Ты мне не доверяешь. — Он досадливо хмыкает и перекачивается с пятки на носок, раздумывая. — Не знаю, что с этим делать.

— Да. — Мой гнев постепенно затихает. — Не доверяю. Хуже всего, что в моей жизни — в той, которую я помню, — не было никого, кому я доверяла. У меня нет родных, нет близких друзей — или я сейчас их не помню, — на что прикажешь мне ориентироваться? Каждый проведенный здесь день я пытаюсь об этом не думать, потому что иначе у меня поедет крыша. А если я никогда ничего не вспомню, то... — Меня вновь захлестывает уже до дрожи знакомая паника на грани смертельного отчаяния.

— Кристина, — произносит Влад с удивительной теплотой. Я поднимаю на него растерянный взгляд. — Я все сделаю, чтобы помочь тебе вернуть память. Любые клиники, врачи, лечение — все будет. У меня есть деньги и возможности, ты ни в чем не будешь нуждаться, я обещаю тебе.

Его слова закутывают меня в умиротворяющий кокон. Словно зачарованная я наблюдаю за тем, как Влад подходит ближе и, проигнорировав стоящее у кровати кресло для посетителей, опускается на корточки. Медленно, позволяя мне осознать его намерения, он с осторожностью берет мои вечно холодные ладони в свои, теплые и широкие.

— Но что... что если я никогда ничего не вспомню? — Флер спокойствия покидает меня слишком быстро. — Что будет тогда?

Наши с Владом взгляды пересекаются. Впервые на моей памяти он настолько рядом, что мне удастся по-настоящему рассмотреть радужку его глаз — оказывается, вблизи они не такие уж и темные, а скорее редкого дымчато-серого цвета с голубоватым подтоном, — и изучить черты его лица.

Он и правда поразительно красивый мужчина с производящей давящее впечатление внешностью, но именно сейчас в нем нет былой жесткости. В это мгновение я вижу того, кому можно довериться. Думаю, таким его видела та моя версия, что вышла за него замуж.

— Для меня ничего не изменится, — отвечает он на мой вопрос, и в его тоне и правда не уловить сомнения. — Ты останешься моей женой.

Наверняка, теперь стоило бы закончить с обсуждением гипотетических ситуаций, но меня словно дергают за язык черти:

— А если я не смогу полюбить тебя заново?

Влад каменеет. Тепло его рук покидает мои ладони. Он выпрямляется и отворачивается к окну.

— Ты будешь вольна развестись, если того захочешь.

— Вот так просто? — поражаюсь я.

— А что, по-твоему, мне лучше держать тебя рядом силой? — Влад хмыкает. — Как будто с тобой это в принципе возможно.

Не в первый раз за наш разговор я недоуменно хмурюсь — наверное, от того, что обширные знания моего мужа обо мне же ставят в тупик: я не помню себя такой.

— Тебя послушать — я прямо свободолюбивая натура.

Он оборачивается и окидывает меня не поддающимся разгадке взглядом.

— Думаешь, я не прав?

— Не знаю, — признаюсь я честно. — Сейчас ты точно знаешь меня лучше, чем я саму себя.

— Возможно. — Влад вновь становится лицом к окну.

Наше обоюдное молчание затягивается. Намеченные заранее вопросы теперь не хотят приходить на ум, сумбур в мыслях и эмоциях путает мне все карты. Я боюсь, что Влад вот-вот соберется обратно, в свою жизнь за пределами больницы, оставив меня наедине с неизвестностью еще на один день.

— Почему ты не нравился мне в институте? — интересуюсь я внезапно, немало удивляя и себя, и, судя по напрягшейся вдруг линии плеч, мужа.

Он заговаривает не сразу, что очень похоже на нашу беседу при первой встрече — той, что я помню, разумеется, — тогда Влад тоже отвечал на мои вопросы лишь предварительно обдумав каждую фразу.

Не знаю, ведет ли меня интуиция или наработанное в пропавшие из моей головы годы журналистское чутье, но я почти уверена, что тема моей неприязни к Владу не укладывается в рамки классической романтической истории про отрицание чувств. Ощущение недосказанности, быть может, даже какой-то тайны вспыхивает во мне снова.

— Если бы я знал, — произносит Влад с сожалением и насмешкой одновременно. — Тебя вообще раздражал сам факт моего существования. На первой совместной паре мы не сошлись во мнениях, потом — еще раз. К тому же, я из очень богатой семьи...

— И что, ты решил, что раз я пару лет прожила в детдоме, то стала ненавидеть всех богачей? — Не получается у меня сдержать возмущения.

— Даже сейчас ты ведешь себя, как на первом курсе, — замечает Влад и якобы неодобрительно качает головой. — Если позволишь, я закончу свою мысль, и ты поймешь, что я имел в виду.

Я взмахиваю рукой в приглашающем жесте — мол, прошу.

— Богатство моей семьи было очевидно незаконным — вот что тебя так бесило. О него разбивались твои розовые очки и протестовали все моральные убеждения. Ну а я совершенно не спешил раскаиваться и просить прощения за новый «мерс», подаренный мне отцом на восемнадцатилетие. Меня все устраивало.

— А Глеб? — спрашиваю я. — Он тоже из такой среды? Как вы подружились?

— Нет. Он из простой семьи. Всего достиг сам. Иначе ты бы и его терпеть не могла. — Влад усмехается и скрещивает на груди руки. — А может, и могла бы...

— В каком смысле? — уточняю я настороженно.

— Размышления вслух, — отмахивается он. — Ничего конкретного.

Его объяснения едва ли тянут на таковые, но мне приходится смириться с очередной недосказанностью. Опять.

Недовольно поджав губы, я напоминаю:

— Так как вы подружились?

— Ходили в одну гимназию, — на этот вопрос Влад отвечает легко, но даже здесь позволяет себе язвительно замечание: — Он сдал все вступительные, меня по благу запихали родители. Потому что престижно. Вот только учительница по химии у нас была настолько требовательная, что меня уже зимой хотели отчислить.

— Ты не потянул? — Мне, правда, без всякого злорадства, любопытно.

— Типа того. Не такой уж я был лоботряс, но химия мне не давалась. Да и интереса никакого не вызывала. В конце концов химичка сдалась и отправила меня к Глебу на поруки. Собственно, на его объяснениях и подсказках я и получил свою «четверку с огромным минусом».

— Ничего себе, — замечаю я. — Вы очень давно дружите. Не представляю, как меня занесло в вашу компанию.

— У вас с Глебом есть общая черта, — сообщает Влад. — Иногда вы те еще зубрили.

Пусть в его словах нет намерения задеть — только безобидное подначивание, я все равно инстинктивно огрызаюсь:

— Не у всех были родители-бандиты. К счастью.

— Ты недалеко от правды, — посмеивается Влад.

— А что насчет тебя? Ты до сих пор живешь за счет не самых честных денег?

Его лицо мрачнеет.

— Я едва ли успел почувствовать эти самые деньги. Отца посадили, когда я учился на третьем курсе.

Я судорожно выдыхаю и лепечу:

— Извини. Мне не стоило...

— Все нормально.

— Еще раз извини, — повторяю я настойчиво. — Давай лучше поговорим о чем-то менее проблематичном.

— Например?

— Как мы поженились?

— Ты про церемонию? — уточняет Влад. В его взгляде, однако, мелькает выдающая понимание настороженность: суть моего истинного интереса ему точно ясна.

— Нет, — трясую я головой и, дабы смягчить свою категоричную требовательность, добавляю: — Ну, или в том числе.

Он неопределенно дергает плечом.

— Я не мастер рассказывать романтические истории. Что именно ты хочешь знать? Так будет проще.

Недовольно поджав губы — непрекращающиеся попытки Влада ускользнуть от прямого ответа на любой из моих вопросов снова раздувают угасшее, было, пламя раздражения, — минуту я задумчиво молчу. Упорядочить весь хаос бурлящих внутри моего разума беспокойства и непонимания кажется непосильной задачей. Особенно сегодня, когда я искренне стараюсь не превратить нашу с Владом цивилизованную беседу в допрос с пристрастием — пусть и очень хочется.

— Расскажи, как так вышло, что мы вместе? — прошу я.

Наши начавшиеся с неприязни и лишь спустя годы переродившиеся в брак отношения любопытны мне до невозможности. Сложно представить, отчего мои чувства изменились столь кардинальным

Сосредоточившись на безмолвствующем Владе в ожидании новых частичек информации о моей забытой жизни, я испуганно вздрагиваю, когда в дверь палаты коротко и негромко стучат.

— Добрый день! — В проеме появляется доктор Питерсон. — Кристина, мистер Покровский. — Он быстро встречается взглядом со мной, затем с Владом и кивает нам обоим с веж-

ливо-профессиональной улыбкой на тонких, испещренных морщинками губах. Мы бормочем ответные, несколько растерянные приветствия. — Прощу меня простить за это вторжение. Мне передали, что вы оба сейчас здесь, и я захотел лично обрадовать вас хорошими новостями.

— Конечно, — лепечу я и, взволнованно сжав в ладонях край одеяла, замираю, игнорируя разгоняющееся в груди сердце.

Слева от меня раздаются приглушенные шаги. Не оборачиваясь, я чувствую приближение Влада: слабое движение воздуха около кровати, приподнявшиеся на голой коже рук волоски, нависшая надо мной тяжесть чужого присутствия.

Доктор Питерсон опускает глаза к планшету и, поглядывая в только ему доступные данные, чередуя медицинскую лексику с общечеловеческой, вдается в объяснение моего нынешнего состояния.

Среди многих и многих малопонятных неподготовленному человеку предложений звучат и те, что вселяют надежду: полученные мной при аварии повреждения мозга не столь серьезны, как могли бы быть, шансы на частичное или полное возвращение воспоминаний невелики, но и не равны нулю.

— ...Резюмируя, — продолжает доктор Питерсон ровным, полным врачебного спокойствия голосом, — могу сказать, что имеющиеся на сегодняшний день результаты позволяют нам отпустить вас домой уже через пару дней. Наблюдаться придется часто и регулярно, лечение будет непростым и потребует от вас терпения — как от каждого по отдельности, так и от пары. Не буду скрывать: это трудный период, но я уверен, что вы справитесь.

— Так скоро? — не верю я.

Питерсон согласно кивает.

— Не вижу смысла держать вас в больнице круглосуточно: на перевязки вы сможете приезжать, дома вам будет легче вернуться к полноценной жизни. С соблюдением всех рекомендаций, конечно. Мы еще поговорим о вашем лечении более подробно, я дам все рекомендации и контакты психологов для консультаций. А пока мне хотелось вас приободрить. — Он тепло улыбается. Наверное, радость на моем лице отображается с переборами, потому что доктор Питерсон, противореча своим предыдущим словам, произносит: — Конечно, если вам будет спокойнее, мы можем оставить вас в клинике еще на неделю...

Страх перед грядущей неизвестностью жизни в доме, о котором я ничего не помню, в компании столь же чужого для меня супруга велит мне как можно скорее воспользоваться предоставленной уступкой: здесь, на нейтральной территории, в окружении огромного количества людей ничего не знать о себе как будто проще и безопаснее. Однако я не позволяю себе дать слабину — я никогда не отступаю перед трудностями. Таково мое личное правило. Надеюсь, не изменившееся с годами.

— Нет, — перебиваю я доктора Питерсона со всей нашедшейся уверенностью. — Я буду рада поехать домой.

— Уверена? — Голос Влада кажется встревоженным.

Я оборачиваюсь и сталкиваюсь с тяжелым, полным не высказанного сомнения взглядом. Уступать ему хочется еще меньше.

— Более чем.

Глава 5

Попрощавшись сначала с доктором и десятью минутами позднее — с Владом, я остаюсь в тревожном обществе пустившихся вскачь мыслей. Дезориентирующий, отчего и успокаивающий туман, что наполнял голову с первой секунды моего пробуждения в этой самой палате, редет, испаряясь и развеиваясь; завеса ожидающих впереди трудностей приоткрывается шире, чем хотелось бы.

Сейчас можно прекратить притворство и честно признаться: приближающаяся выписка из клиники наводит на меня едва ли не парализующий ужас. Я не готова столкнуться с реальной жизнью, о которой не помню слишком многого.

Как назло, до способных переключить мое внимание занятий — вроде очередного осмотра медсестрой или на худой конец — приема пищи, еще уйма свободного времени. Отвлечись не на что.

О том, чтобы и сегодня навестить Глеба, я тоже не договорилась и теперь невольно гадаю, скоро ли мне предоставится возможность увидеть его вновь, — Влад ушел так стремительно, что задать ему хотя бы несколько вопросов о совместном проживании было невозможно. Он будто намеренно держит меня в гнетущем неведении, раз за разом оставляя место для недосказанности и неизвестности. Хуже всего, я до сих пор не понимаю, что им руководит: непонимание моих переживаний и неумение полноценно коммуницировать или осознанная и обоснованная его собственными мотивами скрытность? Подтвердить или опровергнуть эти страхи некому.

В конце концов я случайно задеваю рукой принесенный Владом бумажный пакет и вспоминаю о телефоне. Распаковка моего долгожданного окна в мир занимает не больше минуты. Легкое движение пальца по сенсорному экрану без единой кнопки — и перед моим взглядом предстают узнаваемые, но значительно изменившиеся иконки знаменитых приложений.

Ведомая любопытством и отчаянной надеждой на чудо: вдруг попасть в собственные аккаунты мне удастся по сохранившимся в памяти логинам и паролям двенадцатилетней давности, — я сразу открываю браузер и вбиваю в поисковую строку название соцсети. Признать абсолютно разгромное поражение приходится уже через четверть часа — ничего не вышло. Мои данные устарели, а соцсети, к тому же, обзавелись двухэтапной системой идентификации пользователя. Без помощи какого-нибудь хакера не пробиться.

Разочаровано вздохнув, я иду другим путем. «Загуглить» саму себя можно без всяких технологических ухищрений. О доступе к личным перепискам, конечно, нужно забыть, однако я надеюсь на фотографии, комментарии и посты — частички забытой мной жизни.

«Гугл» справляется с этим заданием без проблем и предоставляет несколько тысяч результатов за секунду. Тыкнув по первой же ссылке, я радостно вскрикиваю, обнаружив на прогрузившейся странице аватар с собственным лицом. Однако в скором времени мой энтузиазм угасает и сменяется легким разочарованием: все мои соцсети — исключительно рабочего содержания.

Я упорно пролистываю пост за постом, изучаю каждую фотографию, списки «друзей» и «подписчиков», но не нахожу ни малейшей личной информации. Все записи — анонсы моих статей, исследований или интервью.

Даже просматривая их краем глаза, нетрудно понять: в профессиональном плане мне точно есть чем гордиться. Вот только прямо сейчас я не чувствую ни капли радости: все мои вопросы остались без ответа.

Время до выписки проходит быстро, но не слишком продуктивно. Я продолжаю шерстить собственные соцсети и активно изучаю старые-новые технологии — к счастью, освоиться довольно просто.

Свои последние публикации я просматриваю с особым вниманием, стараясь понять, кому бы они пришлись не по нраву настолько, чтобы выкурить меня из родной страны? Вот только ничего грандиозного и взрывоопасного среди опубликованных в моих соцсетях материалов нет.

Разумеется, я не упускаю шанса выяснить побольше о Владе — Покровском Владиславе Игоревиче. Отец — Покровский Игорь Сергеевич, гражданин РФ, бывший депутат и владелец металлургического завода, был замешан в финансовых махинациях и осужден на пять лет, убит в заключении при невыясненных обстоятельствах. Мать — Покровская Светлана Викторовна, гражданка США, после смерти мужа вернулась на родину вместе с сыном и дочерью.

Так я узнаю, что отец Влада давно мертв, а сам Влад — старший брат и в настоящее время единственное публичное лицо в семье Покровских. Однако и о нем сведений ужасного мало. Фотографии с официальных мероприятий, заметки на сайте его компании — и, в общем-то, все. О владельце одной из самых быстрорастущих компаний по кибер-безопасности пишут куда реже, чем о создателях популярных социальных сетей.

В день выписки Влад приезжает за мной довольно поздно, когда я уже начинаю всерьез думать, что обо мне забыли.

— Привет! — произносит он на выдохе, едва открыв дверь в палату. — Прости, я был вынужден задержаться. — Объяснений ожидаемо не следует.

— Все хорошо. — Я киваю и с осторожностью поднимаюсь с кровати: головокружения случаются чаще, чем я готова признать. — Мы можем идти, все назначения и документы мне уже отдали.

Сделав несколько быстрых шагов, Влад встает рядом и предлагает мне руку. Я растерянно замираю, не решаясь коснуться обнаженной кожи его предплечья.

— Я не кусаюсь, — говорит он, подначивая, однако я улавливаю скрытую за непринужденностью злость — вероятно, на меня? Влад же продолжает: — Я знаю, что твое состояние далеко от идеального, Кристина. Берись.

Закусив губу, я встаю рядом и неловко обхватываю его полусогнутую в локте руку своей. Слившееся тепло моей и его кожи — непривычно и волнующе.

Я делаю глубокий вдох, и вместе с кислородом втягиваю в легкие горьковато-древесный аромат мужского парфюма. Голову слегка ведет.

Осторожно, с бережным отношением к моим физическим возможностям Влад проводит меня по коридору к лифтам, а затем — по широкому холлу к автоматическим дверям, за которыми жаркое полуденное солнце опалает зелень газонов и разноцветные крыши проезжающих мимо автомобилей. Медперсонал и пациенты встречаются нам чуть ли не на каждом шагу, вокруг звучит англоязычная — и не только, — речь.

Мое внимание цепляется за любую, не имеющую связи с Владом деталь: обрывки чужих разговоров, хмурые или доброжелательные лица окружающих, понятные только сотрудникам звуковые сигналы — все представляет интерес. Я усиленно стараюсь сместить фокус собственных мыслей с важного на пустое, но безуспешно: ни отвлечься, ни перестать всей кожей ощущать прикосновение Влада к моей руке не удается.

Забыть о том, что совсем скоро я останусь совершенно один на один с человеком, о котором ничего не знаю, не кажется возможным. Напряженные нервы вытягиваются острыми иглами, что прокалывают тело в тысяче мест одновременно. Я дрожу.

— Тебе холодно? — Влад тут же поворачивается ко мне, в глазах и голосе — удивление: мы только что вышли на улицу, где царит удушливая жара и нет ни ветра, ни тени.

Я трясую головой и решаюсь сказать правду:

— Нет. Просто нервничаю немного.

— Что именно тебя беспокоит? — Влад шагает вперед, предлагая возобновить наш путь.

В качестве реакции на его слова у меня вырывается саркастичный смешок.

— А что, есть какие-то сомнения?

Он хмыкает.

— Я хочу услышать конкретные вопросы и дать на них конкретные ответы. Возможно, тогда ты перестанешь трястись как перепуганный заяц.

Только благодаря своевременно сработавшей предусмотрительности, мне удастся поймать себя на полуслове и не заявить Владу, что еще вчера он не отличался желанием говорить откровенно. Громко вздохнув и куснув кончик языка, я произношу уже обдуманную реплику:

— Наверное, больше всего меня тревожит неизвестность. В том смысле, что я не имею понятия даже о том, куда мы сейчас поедем, на чем... Дом у нас или квартира? Это элементарные вещи, а я вынуждена гадать. Про остальное и говорить излишне.

— Что ж, на это ответить просто, — сообщает Влад, направляя наше движение по парковке. — У меня... У нас дом в Малибу, куда мы поедем на моей машине. А вот и она. — Вытянув свободную руку, он снимает сигнализацию с серебристого автомобиля в паре метров от нас и подводит меня ближе.

— Долго нам ехать? — интересуюсь я, как только он усаживается в водительское кресло.

Прямо сейчас я готова беседовать о чем угодно, только бы скорее избавиться от охватившей меня пару секунд назад беспричинной неловкости: Влад всего лишь провел кончиками пальцев по тыльной стороне моей ладони, едва ли придав этому жесту значение. И вот она я, краснею и волнуюсь как малолетка вопреки своему биологическому возрасту.

Если же не лгать в диалоге с самой собой, то мной движет быстро крепнущий на благодатной почве неизвестности страх, озвучить суть которого Владу у меня не повернется язык. Не только из-за чувства неловкости, но из-за соображений самосохранения.

— Около часа, — отвечает он, не глядя в мою сторону, и следом предлагает: — Могу выбрать маршрут подлиннее, через город. У тебя будет время познакомиться с Л.А. и окрестностями.

— Хорошо. — Согласию не хватает толики энтузиазма, но Влад то ли не замечает моего изменившегося настроения, то ли притворяется, дабы сгладить углы.

Разговор между нами угасает. На протяжении всего пути я и правда непрерывно смотрю в окно, однако образы остающихся позади улиц — от сияющих благополучием и красотой до серых и унылых, — затронув лишь поверхность сознания, исчезают. Я думаю о другом.

О том, какая жизнь ждет меня в доме, что я не могу представить. О том, как мне стоит себя вести, что говорить и делать сейчас и потом — когда терпение Влада истончится, сменится усталостью и разочарованием.

Так ведь бывает: в Интернете полно историй, не ставших основой для мелодрам, — достаточно зайти дальше, чем первая страница результатов из поисковика.

Я боюсь. Как того, что Влад очень быстро перестанет видеть во мне свою жену, так и того, что он захочет вернуть наши прежние отношения раньше, чем я что-нибудь вспомню.

Вскоре покинув пределы городских улиц, большую часть пути мы едем вдоль немного извилистого шоссе. Вид перед нами открывается завораживающий, и даже небольшая пробка в районе знаменитого пирса Санта-Моники уже не вызывает особого раздражения.

С восторженным интересом я смотрю на песчаные пляжи и сверкающую под солнцем бескрайнюю гладь Тихого океана и улыбаюсь воплотившейся мечте: может быть, за позабытые двенадцать лет я успела насмотреться на океаны до тошноты, но сейчас наша встреча — первая. А чувство счастья — самое настоящее.

Разнообразие природы, дома местных жителей — расположившиеся и внизу, у берега, и возвышающиеся на холмах, — лица водителей и пассажиров проезжающих мимо автомобилей, надписи на вывесках ресторанов, кафе и отелей, — я пытаюсь охватить взглядом все и

сразу, памятью и сознанием уловить суть этих незнакомых мест. Искрящаяся в крови эйфория заставляет меня елозить на кожаном сидении и вертеть головой по сторонам.

Боковым зрением я случайно замечаю, что Влад уже не следит за дорогой с прежней безотрывной внимательностью. Он смотрит на меня.

— Что такое? — озадаченно спрашиваю я, не сумев разобраться в отражающихся в его глазах эмоциях.

— Ничего. — Он отворачивается, меняет положение рук на руле и делает пару наклонов головой вправо и влево, медленно разминая шею и плечи.

— Ты хотел что-то сказать? — продолжаю я добиваться ответа. — Ты так смотрел...

— Как?

— Не знаю, — произношу я неуверенно, от неожиданности стушевавшись. — Очень внимательно, наверное.

Влад хмыкает.

— Может быть.

— Так почему?

Молчание длится всего несколько секунд, но поза моего мужа, не сдвинувшегося ни на миллиметр, как будто разом становится закрытой, напряженной. Его голос, однако, звучит легко и даже непринужденно:

— Не ожидал, что уже сегодня ты будешь улыбаться.

— Разве я так редко улыбаюсь?

Влад неопределенно качает головой.

— Не в этом дело.

Пояснений не следует, но, кажется, я догадываюсь о смысле несказанного: в моей нынешней ситуации легко заикнуться исключительно на проблемах и страхах.

— У меня просто только что сбылась мечта, — признаюсь я, шутки ради добавив флера загадочности своему тону.

На самом деле говорить с Владом о чем-то личном — даже таких мелочах, — мне пока неловко. Помогает только разумное понимание: вряд ли мой муж не знает о моих сокровенных мыслях и планах.

— Мечта? — интересуется он серьезно.

Я киваю. Уголки губ невольно тянутся вверх.

— Да. Я всегда хотела увидеть океан.

— Ты не была у океана раньше? — удивляется он. — В детстве?

— Нет. Мы хотели поехать с родителями, но... не случилось.

— Прости, — произносит Влад. — Не хотел напоминать тебе про...

— Все нормально, — перебиваю я, быть может, излишне резко, и возвращаю нас к исходной теме: — Значит, я не говорила тебе про океан раньше?

— Нет, — отвечает он задумчиво. — Но я рад, что твоя мечта сбылась в моем присутствии.

Глава 6

Четверть часа спустя Влад сворачивает вправо, вглубь заросших зеленью холмов. Я снова прилипаю к окну и с большим интересом изучаю местные просторы.

Если поначалу мы проезжаем вполне обычные дома: расположенные поблизости друг от друга, они не стремятся к уединению, — то с очередным витком уходящей вверх дороги облик встроенного в природу жилья заметно меняется.

На глаза уже не попадают милые и аккуратные двухэтажные коттеджи с небольшими земельными участками и разноцветными качелями на заднем дворе; сквозь плотные стены деревьев и кустарников мне лишь частично видны фасады и крыши скрытых за ними особняков. Все здесь кричит о стоящей немалых денег приватности.

Наконец, когда усталость и волнение сменяются колющей нервы и кожу взвинченностью, Влад нарушает установившееся между нами молчание долгожданной фразой:

— Наш дом. — Кивком головы он обращает мой взгляд в нужном направлении.

Под колесами плавного замедляющегося автомобиля мягко хрустит гравий подъездной дороги, в начале которой стоит трехэтажный и, к счастью, довольно небольшой дом. У меня вырывается облегченный выдох.

— Красивый, — делюсь я первым впечатлением, пока продолжаю знакомиться с представшей передо мной гаванью.

— Такое ощущение, что ты ждала чего-то другого. — Влад оборачивается ко мне, в чертах его лица мелькают напряжение и вопрос. Быть может, досада.

— Опасалась, — признаюсь я, приподнимая уголки губ в призванной успокоить мужа улыбке.

— В каком смысле?

Не то чтобы сознаваться в собственных — комплексах, наверное? — очень просто, но и отмалчиваться кажется неправильным.

— Когда мы стали проезжать все эти огромные дома, я начала переживать, что ты живешь в гигантском особняке — типа тех, что покупают голливудские звезды.

— Ты не хотела бы такой дом?

— Нет. — Я отрицательно трясую головой из стороны в сторону и даже передергиваю плечами для пущей выразительности. — Не мое это.

— Почему?

Я взмахиваю рукой в неопределенном жесте.

— Просто не представляю, что в таком доме делать. Мне кажется, их и покупают только ради сохранения капитала, а живут где-нибудь еще, разве нет? Ну или вечеринки там устраивают с кучей гостей. Зачем в двадцать первом веке тридцать спален или типа того?

Влад хмыкает.

— Не думал об. Но могу тебя успокоить: в этом доме комнат намного меньше. — Он тянется к ручке двери, прежде чем предложить: — Готова идти внутрь?

— Конечно. — Я киваю и, когда Влад делает первый шаг из машины, хочу выйти на улицу следом, но после больницы мои движения не отличаются быстротой.

Временная заторможенность, однако, спасает меня от очередной неловкой ситуации: Влад как раз приближается к пассажирской двери и открывает ее передо мной.

Я мысленно чертыхаюсь. Все эти джентльменские жесты для меня ужасно непривычны.

— Спасибо, — говорю я вслух, скованно принимая предложенную мне в качестве опоры руку.

И не зря: едва встав на обе ноги, я на миг теряю фокус и чуть не заваливаюсь на бок.

— Кристина? — Голос подхватившего меня Влада вибрирует тревогой.

— Все хорошо, — лепечу я, осторожно переминаясь с ноги на ногу, дабы убедиться в найденном-таки равновесии. — Просто голова закружилась. Питерсон сказал, в этом нет ничего страшного.

— Не стоило везти тебя длинным путем. — Влад мрачнеет.

— Почему? — удивляюсь я и спешно заверяю: — Мне все понравилось!

— И никакого дискомфорта или страха?

— О-о... — выдыхаю я, когда меня внезапно озаряет пониманием ситуации. — Я ведь даже не подумала!..

— Seriously? — не верит Влад.

— Да. Я... Голова была забита совсем другим и... — Я перевожу дыхание и озадаченно тру лоб пальцами. — Может, дело в том, что аварию я не помню? — предполагаю я, смотря не прекращающему хмуриться Владу в глаза. — Для меня ее будто и не было. Вот я гадаю, где искать подработку в выходные, а вот — просыпаюсь в палате... А почему ты раньше ничего не спросил?

— Питерсон посоветовал не говорить с тобой о машинах в контексте фобии. При условии, что твое поведение будет спокойным.

— А если бы я запаниковала в дороге? Или даже на парковке?

Влад дергает плечом.

— На этот случай нас ждала квартира в двадцати минутах ходьбы от клиники.

Я замираю. Забота — она в таких поступках, да?

— Спасибо, — благодарю я на выдохе, не утаивая искреннего изумления.

Влад лишь кивает и затем переводит взгляд на дом.

— Пойдем?

— Да, конечно, — соглашаюсь я и неловко разворачиваюсь в оберегающем от падения объятии Влада. — Пойдем.

Вопреки моим ожиданиям мужские ладони не исчезают — лишь незначительно смещаются: одна по-прежнему придерживает меня за талию, другая — ложится на оголенную кожу предплечья непривычным ощущением жара и чужого вторжения в мое личное пространство. Прикусив край нижней губы, я перевожу взгляд вниз, на носки собственных кроссовок и слежу за ритмичностью шага.

Под упругой подошвой хрустит дорожная насыпь. Легкие наполняются запахом окружающих дом растений, к которому отчетливо примешивается древесный аромат мужского парфюма.

От насыщенного кислородом воздуха снова кружится голова. По телу взволнованно-испуганным роем пробегают мимолетные мурашки, стоит вспомнить, что отныне я буду жить с едва знакомым человеком. В полном уединении уже совершенно не кажущегося мне большим дома.

Мы поднимаемся к входной двери по низкому, но широкому крыльцу, и Влад наконец отпускает меня. Предварительно убедившись в том, что я твердо стою на ногах.

— Как ты себя чувствуешь? — Его взгляд остается на мне, внимательный и как будто ожидающий.

— Все хорошо, — настаиваю я и для убедительности легко улыбаюсь. — Готова к подробной экскурсии.

— Надеюсь, дом тебя не разочарует, — говорит Влад, кажется, предельно серьезно и распахивает передо мной тяжелую деревянную дверь: — Ты первая. Прощу.

— Я у тебя вместо кошки? — шучу я опрометчиво и, к своему стыду, несуразно.

Недоуменной паузы, на удивление, не следует. Позади меня раздается легкий смешок:

— Кошка у нас уже есть.

— Правда? — Я резко оборачиваюсь к Владу и, наверное, впервые вижу на его лице столь благодушное выражение.

— Да. — Хитро прищурившись, он водит взглядом по периметру большой светлой комнаты, где границы прихожей и гостиной отделены лишь условным зонированием обстановки, а после зовет: — Санни, иди сюда! Не прячься.

— Санни? — интересуюсь я.

— Угу. Нашел ее здесь, под дверью, греющую пузо под солнечными лучами почти полтора года назад.

— Тогда точно без вариантов, — улыбаюсь я.

— Погоди, — хмыкает Влад. — Это ты еще не знаешь, что она рыжая и все так же дрыхнет на солнце при любой возможности.

Я смеюсь, а затем принимаюсь активнее оглядываться вокруг в поисках рыжего пятна.

— Почему она к нам не выходит? Она точно дома?

— Точно. — Влад дотрагивается до моего плеча и кивает вверх, на лестничные перила.

— Вон она. Трусиха.

Наконец и я вижу остроносую мордочку с ушами-кисточками, настороженным взглядом и длинными усами. Свесив голову в промежутке между кованными прутьями перил, Санни и правда следит за каждым нашим движением.

— Это мейн-кун?! — выдыхаю я с восхищением.

— Да, — подтверждает Влад где-то за моей спиной. Тон его голоса в равной степени полон насмешки и гордости. — Восьмикилограммовая двухлетняя мейн-кунша и по совместительству — та еще трусиха, как видишь.

— Она меня испугалась? — Нехотя я перевожу взгляд с Санни на ее хозяина.

Он кивает.

— Она поначалу боится малознакомых людей. Побудешь рядом сутки — и она освоится. Если понравится, даже ластиться начнет.

— Разве она еще ко мне не привыкла? — спрашиваю я растерянно.

— Ты редко здесь бывала до нашей свадьбы, потом случилась авария, — отвечает Влад без прежней легкости. — Санни наверняка тебя подзабыла.

— Что ж, тогда мы с ней в одной лодке, — шучу я, однако чувствую чувствую себя до странности расстроенной.

Мне всегда казалось, что коты не склонны забывать людей. Жаль, что это не так.

Владу свои размышления я, конечно, не озвучиваю: все мои познания о домашних животных — в частности, котах, — вряд ли достоверны. Питомцев у меня никогда не было. Наверное.

— Влад? — несмело окликаю я мужа, продолжающего с запрокинутой вверх головой переглядываться с оставшейся на втором этаже Санни.

Он оборачивается с заинтересованным и как будто удивленным выражением лица.

— Да?

— Ты не знаешь, у меня были какие-нибудь животные раньше? Я вдруг подумала, что вполне могла кого-нибудь взять после института.

Мой вопрос его озадачивает. Сосредоточенно хмурясь, Влад явно старается припомнить, рассказывала ли я о ком-нибудь, и отвечает после недолгой паузы:

— Нет. Насколько я знаю.

— Жалко, — выдыхаю я не без разочарования. — Мне казалось, что я обязательно заведу себе кота или собаку, как только начну жить самостоятельно.

— У тебя не было животных в детстве?

— Нет. У мамы была аллергия на шерсть, так что никаких животных мы не держали, хотя мне очень хотелось, конечно. — Я вновь смотрю на Санни и не могу не умиляться ее округлой

пушистости и внимательным, широко распахнутым глазам. — Зато сегодня сбылись сразу две мои мечты: я увидела океан и буду жить в доме, где есть кошка.

Сдержанно кивнув, Влад полусерьезно замечает:

— Будем надеяться, сам дом тоже тебя порадует.

— Он уже... нравится. — В моем признании нет лукавства.

Пусть я едва успела пробежаться глазами по периметру первого этажа, но уловить атмосферу этого дома нетрудно. Все вокруг меня существует в едином ансамбле столь гармонично, что не возникает никаких сомнений: каждый уголок здесь продуман и вписан в общую интерьерную картину.

Премудрости дизайна и обустройство быта никогда меня не интересовали, и сейчас я даже при желании не смогла бы сказать, что делало дом Влада живым и уютным. Однако, вопреки отсутствию даже толики энтузиазма к выбору самых разных мелочей — от цвета и тона стен до формы баночек для специй, — я всегда хотела жить в месте, где все пришлось бы мне по душе. Как сейчас — просто войти в дом и понять, что у меня нет желания что-либо в нем менять.

В подростковом возрасте меня до ужаса раздражали выстроившиеся вдоль всех имеющихся стен шкафы в бабушкиной квартире и, приезжая к ней на каникулы, я мечтала по взмаху волшебной палочки избавиться от всего лишнего и вернуть в комнаты простор. Яркие, с крупными рисунком обои в моей комнате, выбранные мамой без оглядки на мои предпочтения, и вовсе доводили меня до слез, и я была готова поклясться, что в моем собственном доме белыми будут и стены, и мебель — так осточертело мне в те годы сочетание несочетаемого.

Удивительно, но присутствие разноцветных элементов в интерьере нашего с Владом жилья не раздражает. Временно исчезнув из поля зрения Санни, мы двигаемся вглубь, и я с удовольствием знакомлюсь с моим новым домом.

Мы проходим большую гостиную, где на полу лежит прямоугольный ковер с бахромой, у дальней стены стоит парочка высоких книжных стеллажей из светлого дерева, в центре расположены диван и стеклянный журнальный столик, напротив — телевизор-плазма. Затем Влад показывает мне кухню. Довольно маленькую и непривычно темную: шкафчики выкрашены в глубокий зеленый, и все же мне нравится.

Дальше — кабинет, но Влад не уделяет тому особого внимания, отделяваясь быстрым взмахом руки по направлению к нужной двери. Я не настаиваю.

Наконец мы возвращаемся к лестнице на второй этаж и быстро поднимаемся по ступенькам, то и дело поглядывая на явно раздумывающую над побегом Санни. К моей радости, любопытство в ней побеждает страх.

Сохраняя приличную дистанцию, она осторожно идет за нами следом. Как бы мне ни хотелось тут же помчаться к ней с объятьями и предложением лучшей в мире ласки, я решаю оставить инициативу в общении за Санни.

— Что, — посмеивается Влад, заметив крадущуюся позади нас копну рыжей шерсти, — так любопытно, что уже и нестрашно?

Навострив уши, Санни замирает на месте и, разумеется, притворяется нами крайне незаинтересованной.

Мои губы растягиваются в улыбке.

— Не смущай ее, — шучу я. — Лучше рассказывай, что есть на втором этаже.

За первой дверью нас ждет гостевая — небольшая обезличенная комната со стандартным набором мебели, но с красивым видом из большого окна. Там же — отдельная ванная.

— А теперь — наша спальня, — произносит Влад как обычно и нажимает на ручку следующей двери.

Я же чуть не спотыкаюсь и упираюсь перепуганным взглядом ему в спину. Не может же он думать, что мы станем ночевать в одной комнате?

— Наша? — уточняю я почти испугано.

Как назло, а быть может, намеренно испытывая мое спокойствие, Влад не спешит с ответом. Только полностью развернувшись ко мне, он улыбается, прежде чем произнести:

— Да. — Пауза. Его глаза сверкают лукавством. — Разумеется, сейчас эта комната будет исключительно в твоём распоряжении.

Я позволяю себе вздох облегчения, и на губах Влада мгновенно отражается довольная ухмылка.

— Ты специально издеваешься! — восклицаю я.

От возмущения меня переполняет желание толкнуть его в грудь, однако столь свободный жест кажется неуместным, даже несмотря на только что учиненную самим Владом шутку.

— Прости. — Он без искреннего сожаления пожимает плечами. — Не мог не проверить, как ты отреагируешь.

Я вопросительно приподнимаю брови.

— А были варианты? — Сомнение в моем голосе красноречивее звучащих слов. — Я все еще тебя не помню.

Влад только качает головой.

Я снова вздыхаю. Наверное, не стоило воспринимать его секундный обман столь агрессивно, но доверия к Владу у меня все еще нет. Я, правда, не знаю, что от него ждать. Подобные подначки не помогают.

Возникшая между нами тишина ощущается некомфортной тяжестью на плечах и вязкой неловкостью на коже. Дверь в спальню открыта, но через порог мы до сих пор не переступили, замерев перед самым проемом. Не совладав с искренним любопытством, я устремляю взгляд внутрь.

Обещанная мне комната ожидаемо соответствует стилю этого дома. Тем не менее неувидимым при первом знакомстве образом она имеет отличное от него очарование уединенности и несовременности: ни электронных часов, ни телевизора, ни модного сейчас минимализма в интерьере.

Здесь как будто нет и следа эпохи цифровых технологий. Вокруг массивная деревянная мебель, в центре — большая кровать, застеленная изумрудного цвета покрывалом, окна занавешены тяжелыми темными шторами, на стенах — природные пейзажи в изящных рамках.

Пока я люблюсь спальней и заодно стараюсь решить, какой дежурной фразой вернуть в атмосферу былое дружелюбие, Влад негромко прочищает горло, привлекая мое внимание и делает шаг в сторону от двери.

— Как я уже сказал, комната полностью в твоём распоряжении, — говорит он серьезно. — Если ты устала или хочешь побыть одна, то я могу тебя оставить. Все необходимые вещи ты найдешь без труда — от одежды до косметики. Если что-то потребуется — что угодно, — скажи мне.

— А где будешь спать ты? — вырывается у меня.

— В гостевой. — Движением головы он указывает на дверь уже увиденной мной комнаты.

Воспоминания о довольно спартанской и обезличенной обстановке заставляют меня нахмуриться и предложить:

— Я могу занять гостевую спальню. Мне не хотелось бы тебя стеснять и...

— Ты не стесняешь. — Влад не позволяет мне договорить. — Большую часть суток я провожу на работе или в кабинете на первом этаже. Поверь, мне нет разницы, где спать.

— Хорошо, — соглашаюсь я, но вопреки всем его заверениям чувство вины никуда не исчезает: из-за меня в жизни Влада сейчас плеяда мелких и крупных неудобств. — Спасибо тебе.

Как и в прошлый раз, он морщится при малейшем выражении благодарности с моей стороны и тут же уводит тему разговора в другое русло:

— Располагайся и отдыхай. Как будешь готова, пообедаем.

Глава 7

За несколько минувших с выписки дней мне удастся обвыкнуться в доме Влада — нашем доме — так, наверное, пора его называть хотя бы в мыслях. Медленно мое восприятие имеющихся обстоятельств меняется в лучшую сторону: от замораживающего ужаса к постепенному принятию ситуации как нормальной и поддающейся контролю.

Хозяйкой семейного жилища я себя, конечно, не чувствую, но уже могу без чрезмерной неловкости незваной гостью и столь же смущающего опасения показаться невежливой или наглой спуститься на кухню за стаканом воды ночью. Даже пугливая Санни при встрече со мной больше не спешит убегать и прятаться. Напротив, с истинно кошачьим любопытством она ходит следом, виляя длинным и пышным хвостом, и бдитительно контролирует каждый мой шаг в принадлежащих ей владениях.

Возможно, моей адаптации помогает и то, что большую часть времени я остаюсь предоставленной себе самой: Влад ничуть не сгушал краски, когда говорил о своем плотном рабочем графике. Он уезжает в офис до моего пробуждения и, вернувшись глубоким вечером, — исчезает в кабинете еще на час, а то и два.

Бродить по дому и заглядывать в комнаты без сопровождения в лице Влада намного комфортнее, однако плюсы личной свободы не в силах побороть мою общую взвинченность. Если прежде на арене переживаний главным был страх перед неизбежной необходимостью сближения с мужем, о котором я ничего не помню и не знаю, то теперь центральное место отдано противоположной проблеме: мне кажется, что Влад намеренно сводит наше общение к минимуму.

Мы почти не видимся и не разговариваем друг с другом, что вызывает невольное беспокойство. Мне трудно поверить, что до моей аварии наша семейная рутина была такой же безынтесной и полной близкого к тотальному одиночеству уединения — какой в подобном браке смысл? Мы будто чужие люди.

Сегодняшним утром я уже привычным образом проснулась в пустом доме. Конечно, в одной из комнат прямо сейчас дремлет или хулиганит Санни, но первые полчаса нового дня — пока я принимаю душ и чищу зубы, — всегда самые тихие и, признаться честно, одинокие. Потребность поговорить с другим человеком столь сильна, что резонирует во мне застревшими посреди горла рыданиями.

Сделав несколько глубоких вдохов и выдохов на пороге ванной комнаты, я бреду на кухню за завтраком и тихонько смеюсь, когда откуда-то мне под ноги выбегает Санни. Вид у нее самый игривый и дружелюбный, в зубах — палочка с перьями, которую она щедро бросает к моим ступням.

— Ты тоже устала быть одна? — Я медленно наклоняюсь, а затем с осторожностью протягиваю руку к рыжей макушке в надежде на царское снисхождение и неожиданно срываю куш: впервые Санни не приседает и не уворачивается от моих пальцев.

От радостного вскрика и победного танца приходится воздержаться, дабы не спугнуть внезапную удачу. Затаив дыхание, я принимаюсь почесывать довольно жмурящуюся Санни за ухом и улыбаюсь. Этот день только что стал во стократ лучше.

Через пару минут мы вместе идем к холодильнику. Я готовлю себе завтрак и даже набираюсь смелости предложить Санни порцию влажного корма, мысленно скрестив пальцы: надеюсь, ни какой строгий режим мейн-куновского питания не был нарушен этой «трубкой мира» на кошачий манер.

На мгновение меня посещает порыв взяться за телефон и написать Владу о наших с Санни делах: все-таки нынешнее утро полно по-настоящему примечательных событий для любого котовладельца и нам наконец-то нашлось бы, что обсудить. Однако с каждой секун-

дой затея выглядит все неуместнее, и я трясую головой. Не стоит беспокоить Влада по сущим пустякам.

Я обещаю себе завести с ним разговор вечером. Мне пора выбираться из своего панциря и делать первые шаги в своей позабытой жизни. Узнавать современный мир, готовиться к тому, что память может никогда ко мне не вернуться. Адаптироваться.

Допив остывший кофе, я мысленно киваю, соглашаясь с собственными доводами. Мне стоит не только поговорить с Владом, но и предложить ему провести время вместе.

Кто знает, вдруг он ждет инициативы с моей стороны и потому не навязывает свое общество? Я не хочу по незнанию испортить наш брак.

Ближе к полудню мне звонят из клиники.

— К сожалению, — произносит женский голос после нашего обоюдного приветствия, — доктор Питерсон вынужден отменить ваш завтрашний визит, но у него есть для вас время сегодня. Вам будет удобно приехать в три часа дня?

Для любого здорового и свободного человека дать ответ на прозвучавший только что вопрос — проще простого. Я же зависаю на добрую минуту. В миг разволновавшись и потевшись из-за своего нынешнего положения.

Разумеется, я свободна и готова ехать в клинику сию же секунду, что и почти говорю вслух, прежде чем замереть на вдохе от понимания: мои передвижения вне дома — это ответственность Влада. Без него мне не добраться даже до ближайшего супермаркета.

— Да, конечно, — говорю я вопреки только что сделанным выводам. — Я приеду.

— Мы будем вас ждать, до свидания! — прощается администратор и, не дожидаясь с моей стороны ответной фразы, отключается.

Крепко сжав телефон в руке, я покусываю губы, пока в мыслях корю себя за поспешность: зачем было соглашаться сразу? Вряд ли в расписании доктора Питерсона на неделю не нашлось бы иного времени для приема.

После коротких раздумий от звонка Владу я решительно отказываюсь. Моя порывистость не повод нарушать его рабочий процесс, — и неважно, готов ли он вот так, в середине дня сорваться ради моих дел или, как любой разумный человек, посоветует мне перенести прием на удобную для нас двоих дату и не создавать проблему на пустом месте.

В конце концов я лезу в телефон за информацией. Мое якобы беспомощное положение детсадовского ребенка невероятно раздражает. Пусть я забыла последние двенадцать лет жизни, но точно не утратила способность к самостоятельности.

Благодаря великой силе Интернета всего лишь несколько минут спустя в моей голове есть вполне отчетливое представление о маршруте от дома до клиники и расценках такси, а также прочие полезные знания. Нужно приложение находится за секунду, и я проверяю, что функция оплаты банковской картой в нем работает — Влад посвятил меня в премудрости современных платежных технологий. Правда, сообщая мне о привязанной к телефону кредитке, он едва ли предполагал, что моей первой тратой станет поездка в такси.

Я добираюсь до клиники заранее и без каких-либо затруднений. Стоит оказаться перед дверью кабинета доктора Питерсона — и напряжение уходит, во мне появляется почти утраченное ощущение уверенности в собственных силах.

Случившиеся с миром за последние двенадцать лет перемены не настолько глобальны, чтобы выбить почву из-под моих ног. Я не беспомощна.

Конечно, скрыть от доктора Питерсона свое хорошее настроение мне не удастся. Он немного удивлен моим внезапно воспрявшим духом — на выписке я была куда менее благодушна, — и интересуется, чем вызваны столь заметные перемены. Как, собственно, и неожиданное для него отсутствие Влада.

Я так рада поговорить с кем-нибудь, кроме Санни, что с удовольствием расписываю Питерсону всю цепочку своих недавних умозаключений о заново приобретенной самостоя-

тельности. Ни его вежливое и чуточку нравоучительное напоминание о необходимости соблюдения правил безопасности, ни попавшийся мне на обратном пути домой грубый водитель такси неспособны уничтожить распирающий меня изнутри энтузиазм.

Продолжая довольно улыбаться, я открываю входную дверь и на пороге сталкиваюсь с очень злым мужем.

— Влад? — Вырывается у меня удивлено. — Я думала, ты еще на работе...

В ответ он издает раздраженный смешок. Воздух наполняется саркастичным недоверием, что невидимыми волнами исходит от напряженной фигуры остановившегося напротив меня Влада.

Я не знаю, какой должна быть моя реакция на его неожиданно плохое настроение, и едва ли испытываю желание разбираться с чужими эмоциями в обозримом будущем, пока мои собственные чувства столь сумбурны и запутаны, что понять их практически невозможно. Однако игнорировать столь демонстративное недовольство Влада — наверняка полностью связанное с моим первым самостоятельным рандеву после выписки из клиники, — определенно не получится.

— Где ты была? — нарушает он наконец затянувшуюся между нами паузу

Удивительно, но тон его голоса спокоен, как будто его обладатель не кипит внутри от возмущения, да столь явно, что жар исходящего от Влада гнева касается оголенных участков моей кожи вопреки расстоянию. Формулировка вопроса, однако, лишена и намек на вежливый интерес: каждое из трех слов содержит в себе очевидные претензию и обвинение одновременно.

Близость Влада давит. С каждой секундой впечатление, что между нами совершенно нет свободного пространства, только усиливается, как и мой внутренний дискомфорт. Тяжело вздохнув, я мнусь на месте, но не решаюсь пройти вглубь дома: Влад неподвижно ждет объяснений и заодно преграждает мне путь к отступлению.

— Я ездила в клинику, — выдавливаю я сквозь зубы, словно провинившаяся перед взрослыми школьница. Ненавижу отчитываться. Просто ненавижу. — Доктор Питерсон был вынужден перенести мой прием на другое время, и я согласилась приехать сегодня.

— И что помешало тебе позвонить мне, чтобы я мог тебя отвезти? — интересуется Влад якобы равнодушно, но его облик — от выражения глаз до сжатых в кулаки ладоней, — сообщает иное.

Я разрываю наш зрительный контакт, только бы избавиться от зарождающего внутри понимания глупости своего недавнего поступка. Мне стоило предупредить Влада, стоило подумывать о его спокойствии, прежде чем рваться на свободу.

— Прости, — произношу я примирительно, с надеждой скорее закончить этот неприятный разговор и обойтись без настоящей супружеской ссоры. — Я не привыкла отчитываться за...

Влад качает головой.

— Отчитываться? — перебивает он зло. — Ты ни хрена не помнишь, не знаешь этот город и страну, но молча собираешься и сваливаешь из дома, не предупредив меня! Если ты умудрилась забыть, — его слова пропитаны ядовитым намеком, — не так давно мы договаривались о другом. Ты не должна была никуда ехать одна сразу после выписки. Тем более не предупредив.

Пусть сказанное им — правда от первого до последнего слова, его укоряющий и чрезмерно назидательный тон не вызывают во мне ничего, кроме раздражения. Недавняя радость после сегодняшней поездки полностью уничтожена нотациям от Влада, и мое прежнее намерение не ввязываться в ссору уже не кажется столь важным. Я срываюсь:

— Я не ребенок! — Мой голос звенит. — Нет никакой необходимости рассказывать мне о том, что со мной могло что-то случиться. Я прекрасно знаю, как о себе позаботиться. Ничего

не произошло, я просто съездила в клинику, на такси — от порога до порога. В чем проблема? — спрашиваю я с вызовом.

Несколько долгих секунд Влад молчит. Линия широких, обтянутых светло-голубой тканью пиджака плеч каменеет, костяшки до сих пор сжатых в кулаки пальцев привлекают внимание своей белизной, грудь вздымается под силой тяжелых, обрывистых вдохов и выдохов. Он действительно в ярости, и я не понимаю почему.

— Проблема в том, что ты не осознаешь, что мы с тобой женаты, Кристина, — сообщает Влад холодно, устремив мрачный взгляд куда-то поверх моей головы. — Я не твой сосед или знакомый. Я твой муж. А ты плевать на это хотела. Я вернулся домой, а тебя нет. Ты не предупредила, не написала заранее, не ответила на мой звонок.

— Я не видела, что ты звонил. — Все, что удастся мне сказать, в невольной попытке то ли завуалировано извиниться, то ли оправдаться.

Былое раздражение сменяется легким стыдом и окончательным осознанием собственной неправоты. Мне хочется виновато склонить голову и упереться глазами в пол.

— Ты должна была позвонить сама, — говорит Влад отрывисто. — Или ты настолько не хочешь со мной контактировать?

Его случайное предположение попадает прямо в цель — вот только призовые очки определенно зачисляются в мой счет. Резко вскинув голову, я смотрю на Влада и не скрываю возмущения:

— Я не хочу контактировать? — Смысловый акцент моего вопроса кристально прозрачен, но накопившиеся за эти дни одиночества непонимание и обида требовательно рвутся быть высказанными здесь и сейчас: — Как, интересно, я могу с тобой «контактировать», если ты избегаешь меня как чумы? Нет, нет. — Я выставляю вперед руку в предупреждающем жесте, сразу уловив порыв Влада помешать моей набирающей обороты тираде. — Даже не думай говорить мне, что ты просто очень занят на работе и поэтому почти не бываешь дома. Есть завтрак, есть ужин, где мы могли бы хотя бы немного пообщаться, но куда там! Ты же так занят, что мчишься в офис сломя голову! Может, это ты забываешь, что мы женаты, а я ничего не помню? Потому что ты даже не пытаешься мне помочь! — Упреки сыпятся из меня, как конфеты из разбитой пиньяты на детском празднике, но остановиться не получается. — Как я должна привыкнуть к этой жизни, к тебе, в конце концов, если я все время одна? Я скорее вспомню наше знакомство с Санни, чем с тобой!

На лицо Влада набегают тени. Губы плотно сомкнуты, на скулах проступают желваки.

— Я хотел, чтобы ты привыкла к моему присутствию, — произносит он с трудом, будто силой выталкивает из себя каждое из сказанных слов. — У меня не было цели тебя избегать, Кристина. Зачем мне это?

Я пожимаю плечами. Якобы недоверчиво.

— Может, не все так гладко в Датском королевстве? — предполагаю саркастично, лишь из чувства противоречия стараясь уколоть Влада любым доступным способом, о чем мгновенно жалею: в глубине серых глаз вихрится боль.

— Ты пытаешься меня в чем-то обвинить? — спрашивает он устало, отчего я не в первый раз за сегодня чувствую себя виноватой.

При здравом размышлении его мотивы кажутся вполне понятными, как и скрытый за его словами и поступками подтекст. Пока для меня Влад — посторонний, едва знакомый человек, для него я остаюсь женой.

Несложно догадаться, что он просто-напросто не знает, с чего начать наше неформальное общение. На его месте я наверняка боялась бы сделать что-нибудь не так или случайно навредить: словом, поступком, излишними ожиданиями. Наши отношения, о которых мне сегодняшней неизвестно ничего, ему важны, — как иначе?

— Извини, — выдыхаю я повержено. — Ты прав: я должна была сначала созвониться с тобой. Просто... я не привыкла, точнее — не помню, как жить вместе с кем-то. И меня бесит эта дезориентированность буквально во всем. А если уж совсем честно, то я просто боюсь, что теперь я ни на что неспособна. Да, если память вернется, то все наладится как по щелчку пальцев, а если нет? — спрашиваю я взволнованно, пока Влад молчаливо, но крайне внимательно наблюдает за моими душевными метаниями и в его глазах постепенно проступает столь нужное мне понимание. — Мне необходимо знать, что я все еще могу вести полноценную жизнь, даже если я ничего никогда не вспомню. Я хочу знать, что могу положиться на себя в любой ситуации. Ты ведь знаешь меня, ты сам говорил о моей самостоятельности. Мне это важно, — подвожу я итог и под участившийся стук сердца в ушах замираю в ожидании ответа.

Наконец, Влад перестает изображать из себя каменную статую и, шумно вздохнув, проводит ладонью по лбу и волосам. Вид у него до сих пор напряженный.

— Я не пытаюсь лишить тебя самостоятельности, — произносит он значительно. — Я всего лишь хочу, чтобы ты была в безопасности. Ты должна мне доверять. Хотя бы в этом.

— Я не могу доверять тому, кого совсем не знаю, — замечаю я спокойно и тороплюсь продолжить: — Если ты правда не пытаешься избежать моей компании, нам нужно проводить больше времени вместе. Я хочу узнать, какой была моя — наша — жизнь. Без тебя я ничего не вспомню, ты ведь это понимаешь?

— Хорошо, — кивает он как будто растерян. — С чего ты хотела бы начать?

Его внезапная готовность пойти навстречу моим желаниям настолько сбивает с толку, что заговорить у меня получается не сразу. Серьезный, наполненный ожиданием взгляд Влада прикован к моему лицу, отчего собраться с мыслями становится еще сложнее.

— Наше повторное знакомство, ты имеешь в виду? — уточняю я недоверчиво, так и не сумев полностью совладать с собственным удивлением.

— Да, — произносит он отрывисто. — Ты ведь этого хочешь?

— Разумеется, — подтверждаю я не без легкого раздражения: мы снова топчемся на месте. — А ты?

— При чем здесь я? — В его голосе звучит непонимание. — Речь о твоих воспоминаниях и о том, как их вернуть.

— Верно, — соглашаюсь я и с осторожностью перекаत्याюсь с пятки на носок, пытаюсь тем самым заземлиться и унять вновь завибрировавшее внутри волнение. — Но хочешь ли ты... всего этого?

Влад недоуменно хмурит брови.

— Не понимаю твоих странных сомнений. Может, объяснишь, что за подозрительность?

Кажется, я будто наяву вижу, как он снова ошетиливается и закрывается от моего неутолимого любопытства на невидимые ментальные замки. Словно ему есть что скрывать.

Объяснений у меня нет — лишь безосновательные внутренние убеждения. Моя амнезия Владу не по душе и не потому, что после аварии я полностью забыла о его существовании.

Проблема состоит в том, что моим смутным подозрениям может найтись десяток причин, и вступать в очередной конфликт с Владом на почве пустых догадок глупо. Мысленно я приказываю себе молчать и даже прикусываю кончик языка, дабы воздержаться от опрометчивых заявлений.

— Не бери в голову. — Я сопровождаю просьбу якобы беззаботной улыбкой и безобидной ложью: — Просто боюсь показаться слишком навязчивой.

Влад не выглядит убежденным, но, вероятно, сейчас наши мысли схожи и он тоже намерен не допустить этим вечером новой ссоры.

— Начнем с совместного ужина? — предлагает он, ступая вперед и принимаясь стягивать с плеч пиджак. — А завтра прогуляемся по городу?

— С удовольствием, — выдыхаю я.

Глава 8

С того вечера в наших взаимоотношениях с Владом что-то меняется и, определенно, в лучшую сторону. Я наконец получаю шанс узнать своего мужа получше.

Как самая настоящая супружеская пара мы вместе завтракаем и ужинаем, говорим о важном и совершенно несущественном. Пару раз выбираемся в город на прогулку и даже навещаем океан. Дни, наполненные разнообразием и движением вперед, проходят значительно быстрее.

Мой мир все еще замкнут на уединенном доме в Малибу, посещениях клиники и общении с Вла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.